

0: Выписки из культурной периодики

Прежде чем перейти к цитатам из журналов, мне бы хотелось привести слова вступления, которым Ежи Едлицкий открывает первый том состоящего из трех книг труда, посвященного польской интеллигенции, — работу «Зарождение интеллигенции. 1750–1831» Мацея Яновского: «Интеллигенция — это в Польше тема, интерес к которой не угасает. Как только в прессе появляется соответствующая статья, можно быть уверенным, что последует отклик. С тех времен, когда в 1946 году был опубликован вызвавший полемику очерк профессора социологии Юзефа Халасинского, приблизительно каждые 8-10 лет как в Польше, называвшейся Народной, так и в Третьей Речи Посполитой разворачивается печатная дискуссия на тему интеллигенции, и каждый раз сталкиваются во многом повторяющиеся вопросы и мнения: унаследовала ли интеллигенция черты и характер шляхты? Заслуживает ли она в целом уважения или, скорее, порицания и насмешки? Может ли она все еще играть какую-либо общественную и идейную роль или ей уже пора уйти со сцены и уступить место новым классам — например, “экспертам”, что бы то ни означало».

Возможно, и сейчас вновь разгорится подобная дискуссия. В публикуемом по выходным приложении к «Жечпосполитой», выходящем под названием «Плюс-Минус» (№ 6/2016), на обложку даже вынесен вопрос «Интеллигенция, куда ты делась?», а в самом номере опубликовано обширное интервью с профессором Анджеем Пачковским «Миссионеры и архитекторы», посвященное интеллигенции. Вот что говорит профессор-историк: «Само понятие “интеллигенция” характерно лишь для нашей части Европы. Оно возникло во второй половине XIX века и заняло особое место не только в польской истории, но и в мифологии». Этот миф (...) о ком-то, кто занят интеллигентской профессией — врача, учителя, а одновременно служит своими знаниями народу, звучит так: “Лечит или учит бесплатно”. Такой миф интеллигенции был перенесен во Вторую Речь Посполитую, хотя тогда уже начинал терять материальные обоснования. (...) В период разделов Польши для многих было понятно, что тем слоем, который, вопреки захватчикам, поддерживает национальную целостность, должна быть интеллигенция. А во Второй Речи Посполитой понимаемая таким образом роль интеллигенции, т.е. ее бытование вне государства, утратила смысл. (...) Сейчас очень трудно было бы сказать, что же, собственно, такое интеллигенция, но, с другой стороны, нельзя изъять из языка те понятия, которые составляют часть национальной культуры. Миф интеллигенции настолько сильно укоренен в нашей традиции, что даже в условиях навязывания коммунизма — а может, особенно в этих условиях — царило убеждение (главным образом, заметим, среди самой интеллигенции), что она является чем-то важным для народа, что без ее активности польский народ не сможет сохранить себя в традициях свободы и демократии. В условиях недемократичного, диктаторского государства, вдобавок зависимого от другого диктаторского государства, миф интеллигенции продолжал функционировать как некий идеал». В коммунистический период ситуация изменялась: «Проблемой явились не столько социальные цели нового государства, сколько атеистическая индоктринация, опошляющая значительную часть польской национальной традиции. Поэтому миссия интеллигенции состояла в том, чтобы не дать исчезнуть прежней Польше. (...) Новая народная интеллигенция формировалась, главным образом, через социальное продвижение. Она должна была быть просто частью государства и занять место той мифической интеллигенции, которая действовала вне системы. Так что наладилось массовое производство новых интеллигентов, которые должны были быть просто специалистами и должны были только учить, лечить, управлять, конструировать. Они не должны были иметь собственных взглядов, а должны были быть послушны власти и приспосабливаться в своей деятельности к тому, что власть полагала нужным».

Именно тогда появился лозунг «смены элит», что было заметно, прежде всего, в образовании, особенно в высшей школе, из которой изгонялись представители той самой прежней интеллигенции. Однако же, не без влияния традиции, в новой интеллигенции — во всяком случае, в значительной ее части — через некоторое время возрождался этос ее предшественников. Отсюда шли отступления от того, что носило наименование «культурной политики социалистического государства», движение «ревизионистов» и диссидентство, что наиболее полно воплотилось в организациях демократической оппозиции, прежде всего в Комитете защиты рабочих. Об этом писал профессор Януш Тазбир, подчеркивая, что антитоталитарные движения в Польше возникли вследствие жизнестойкости этоса прежней интеллигенции. Поэтому ничего удивительного, что после введения военного положения в одном из первых выступлений тогдашнего премьера ПНР содержалось требование «смены элит», которые, однако, сохранились в оппозиции и на переговорах круглого стола добились смены системы. Однако тот факт, что результатом переговоров было не моментальное отсечение от системы, а компромисс с властями, стал основой для обвинения этих элит в заключении соглашения, дававшего коммунистам шанс на сохранение своего влияния взамен на приход части оппозиции во власть. Поэтому в

некоторых кругах прежней оппозиции, особенно тех, которые были против соглашений круглого стола, полагавших, что следовало добиваться более радикальных решений, вновь, в очередной раз, послышались голоса о необходимости «смены элит».

Пример такого требования — напечатанная в том же номере «Плюс-Минуса» статья Конрада Колодзейского под многозначительным заголовком «Постколониальная элита». Читаем: «Я уже не раз писал на этих страницах (...), что современные польские леволиберальные элиты лишь в незначительной мере наследуют прежней интеллигенции. В большинстве своем они происходят из бывших коммунистических диссидентских групп, а также из интеллигенции, возникшей в результате социального продвижения при ПНР, когда наверх пробивались наиболее циничные оппортунисты. Первые не ощущают глубоких идейных связей с польской традицией, вторые же подсознательно отдают себе отчет, что они узурпаторы, которые никогда не достигли бы своего статуса, если бы главным определителем их положения была такая, как когда-то, автономия интеллектуализма или способность аккумулировать созданный поколениями культурный капитал. Поэтому они будут искать какую-либо опору, осознавая, что их высокий социальный статус недостаточно обеспечен. Это элиты, сформировавшиеся в период ПНР — конструкта несамостоятельного и подчиненного чужому государству. Часть этих элит своим положением обязана Москве, поэтому не приходится удивляться, что они стали искать нового гегемона после утраты прежнего. Изменение геополитической ситуации Польши облегчило поиски, и новый гегемон обнаружился на Западе. (...) Западное направление было в известной мере предопределено. Польша всегда находилась на окраине Запада, поэтому устремление туда — естественное явление. Иное дело — это периферийное пространственное положение, которое обуславливает некую культурную инаковость по отношению к центру, и иное — это неопитская вера, что надлежит эту разницу устранить ценой утраты собственной идентичности, — стремление, характерное для постколониальной элиты и сразу же влекущее конфликт на окраинах». А это ведет, по мнению Колодзейского, к тому, что «центр» трактует новые страны Евросоюза как определенного рода колонию, в которой он может «разместить (...) без проблем свои институции, свой капитал и начать эксплуатировать окраины». И далее: «Элиты, которые этому способствуют, могут (...) рассчитывать на вполне осязаемое вознаграждение в виде высоких постов в западных корпорациях, при условии, конечно, что будут беспрекословно выполнять директивы центра, независимо от того, насколько эти директивы отвечают польским экономическим или национальным интересам. А вот с этим бывает по-разному». Завершает же Колодзейский статью, подчеркивая, что признаки левизны в нынешней оппозиции власти «изрядно растушеваны»: «Ничего удивительного: этим элитам есть что терять, чтобы выдвигать невыгодные западному капиталу требования, рисковать утратой его благосклонности, а как следствие — утратой высокого статуса в постколониальной иерархии. В суверенной Польше о таком статусе они могли бы только мечтать. Может ли поэтому вызывать удивление то сопротивление, которое постколониальная элита оказывает любым устремлениям к нормальности?»

Одним из фундаментальных лозунгов, которыми пользуется победившая на последних выборах, располагающая парламентским большинством партия Ярослава Качинского, является «возврат к нормальности». Что это за «нормальность», к которой должна вернуться Польша, до конца не известно. Известно, однако (во всяком случае, это следует из текстов, опубликованных в печати, определяемой как «правая»), какая роль предусматривается для интеллигенции и что это за интеллигенция. Яркий образец соответствующего интеллигента можно увидеть в откровениях Станислава Миколайчика, ученого из Познани, председателя Академического гражданского клуба им. Леся Качинского, в интервью, озаглавленном «Силач в университете» и помещенном на страницах журнала «Аркана» (№ 5/2015): «Я крестьянский сын из Великопольши, интеллигент в первом поколении. Первые уроки патриотизма без слов я получил от моих родителей — слезы волнения у мамы или вспыхивающие глаза отца, который был человеком эмоционально стойким, редко поддавался чувствам, но это всегда случалось, когда он слышал по радио польский гимн или видел польский флаг. Мои родители во время войны были изгнаны немцами из дому, так что всю оккупацию они прожили в Гнезно, чудом избежав вывоза в Генеральное губернаторство. Уже много позже я узнал, как мама говорила, что должна родить сыновей, чтобы было кому бороться за свободную Польшу. Деревенский мальчишка, я зачитывался Генриком Сенкевичем — он направлял меня, потом Адам Мицкевич, потом — прославленный лицей имени Болеслава Храброго в Гнезно, с его местным патриотизмом столицы Пястов, и наконец, уже позже, полученное мною образование полониста. (...) Но ключевое значение имело избрание Кароля Войтылы Папой римским и Его первая папская поездка в Польшу — это Он дал мне импульс к личному действию, а не только лишь к пассивному сопротивлению неприемлемому режиму. И период «Солидарности», для меня необычайно активный, и семь месяцев, когда я был интернирован (для семьи трудное время, у меня четверо детей), оказались необычайно творческими в углублении общественно-исторического сознания. Для меня это было своеобразное национально-религиозное послушание, такое окончательное укоренение в польском духе и ценностях, осознание, что наше поколение, мы сами — очередное звено в польских вольнолюбивых устремлениях, и что трудно доставшийся опыт накладывает на нас обязанность гражданской активности».

Между тем, как полагают правые, интеллигенция периода трансформации почувствовала себя свободной от такой обязанности. Об этом говорится на страницах того же номера журнала в статье Войцеха Грухалы «Когда мы перестали читать Жеромского?»: «Польская интеллигенция возрадовалась изменениям, снимающим с ее плеч груз ответственности за народ в целом, наслаждалась свободой обогащаться и выступать исключительно от собственного имени. В 2000 году «Тыгодник повсехный» отметил факт, что 75-летие смерти Жеромского не нашло должного внимания со стороны высших представителей власти. В связи с этим издание провело анкетирование по вопросу, насколько актуальны проблемы, затронутые великим писателем в своем творчестве. Отвечая на этот вопрос, Анджей Вайда, воздав должное заслугам и значимости Жеромского в прошлом, поделился с читателями допущением, что, “быть может, та по-своему здоровая демократия, которая царит в нашей стране, не требует писателя-визионера масштаба Жеромского, поскольку общество само в состоянии решить свои проблемы”». И далее: «25 лет со времен триумфа “Солидарности” (...) мы растили поколение людей, не разделяющих идеи социальной солидарности, поколение, которое даже не должно было задумываться над ситуацией, что у кого-то нет денег, чтобы собрать ребенка в школу. Поэтому средний выпускник исключает мысль, что кто-то мог бы отказаться от хорошо оплачиваемой должности, чтобы помогать бедным, а уж пойти работать с молодежью в городские трущобы — это вообще что-то невозможное». Такой тип героя со страниц романов Жеромского перестал быть привлекательным, а это, судя по всему, значит, что сегодняшняя интеллигенция утратила чувство общественного долга.

Почему так сейчас обстоят дела, объясняет профессор Пачковский: «Конечно же, значение интеллигенции не возрастает. Мы уподобляемся Западу, и традиционный мифичный интеллигент рубежа XIX – XX века сдается в архив. Есть специалисты, добросовестно выполняющие свою работу, есть у нас и публичные интеллектуалы, высказывающиеся по важным вопросам, необязательно связанным с их непосредственной специализацией. Если классический польский интеллигент все еще где-то сохранился, то он, в силу обстоятельств, вытесняется в некое пространство, издавна считающееся (не всегда справедливо) принадлежащим левым силам: социальная работа, помощь людям с ограниченными возможностями, бедным, мигрантам из Сирии, защита прав личности. Люди такого склада всегда будут присутствовать в любом, пожалуй, обществе. Трудно, однако, сказать, что здесь осталось от традиционной, мифической польской интеллигенции.

1: Хроника (некоторых) текущих событий

- Фрагменты новогоднего обращения президента Республики Польша Анджея Дуды: «Как президент Польши я желаю всем моим соотечественникам, всем гражданам страны, чтобы наше общество стало еще более сплоченным. (...) В наступающем году мы будем праздновать 1050-летие крещения Польши — события, которое оказало огромное влияние на формирование нашего народа. Народ свободолюбивый, отважный, гордый и при этом толерантный по отношению к другим национальностям и вероисповеданиям. В нашей стране верховная власть принадлежит народу. Поэтому я считаю, что в Польше законы должны создаваться при участии граждан и в первую очередь для граждан». («Наш дзенник», 2-3 янв.)
- Фрагменты интервью с вице-премьером и министром культуры и национального наследия проф. Петром Глинским: «Чтобы нормально управлять страной, нам пришлось навести порядок в Конституционном суде. (...) Мы пытаемся сделать нашу страну более цивилизованной и потому отстраняем от руководства тех, кто решал судьбу Польши до последних парламентских выборов и потерпел на них поражение, так же мы поступаем с представителями деловых кругов, буквально присосавшимися ко всем государственным институтам. (...) Если мы вернем себе основанные Государственным казначейством компании, это позволит исправить ненормальную ситуацию, связанную, к примеру, с тем, что (...) указанные компании финансировали деятельность частных театров, основанных лицами, поддерживавшими предыдущую власть. (...) Национальная сцена прежде всего обязана культивировать образ, связанный с нашей идентичностью и нашей историей, с польским канонем национально-культурных ценностей. (...) Я не вижу оснований, чтобы группы, стремящиеся разрушить культуру, традиции и польское национальное самосознание, продолжали, как раньше, пользоваться какими-либо преимуществами. (...) Зато мы поддержим музей «проклятых солдат» в Остроленке. Реализуем проект, предложенный музеем Пилсудского в Сулеювке. И не будем забывать об инициативах музея западных земель, музея окраинных территорий в Люблине, а также музея Сибири в Белостоке». («Наш дзенник», 2-3 янв.)
- Фрагменты интервью с вице-премьером и министром развития Матеушем Моравецким: «Мы постоянно говорим о том, как много всего мы получаем от Евросоюза, а тем временем оказывается, что вступление в ЕС сделало Польшу лакомым объектом экспансии западных фирм. (...) Приток денег Евросоюза становится причиной неправильного распределения ресурсов и, возможно, не так уж и нужен. (...) Когда наши предприятия пытаются попасть на внешние рынки, они сталкиваются с различными «нетарифными» ограничениями. Да, в ЕС не действуют таможенные пошлины, но зато есть другие, не менее существенные барьеры, к примеру, произвольно устанавливаемые санитарные нормы. Теоретически они не должны приводить к дискриминации, например, польских фирм на восточном рынке, однако практика оказывается сильнее теории». («Польшка», 30

дек.)

• «Мы вступаем в новый год в атмосфере борьбы. (...) Нельзя не заметить, как запаниковали те, кто может вот-вот потерять бывшее влияние, высокий пост или доходную должность. (...) И это всё те же люди, во всяком случае, персонажи из того же теста. (...) Финансово обеспеченные, внимающие только своим брюссельским покровителям. (...) Они уже не видят смысла служить своим восточным хозяевам, поэтому быстро нашли союзников на Западе. Как и раньше, они продолжают наговаривать на Польшу, разве что поменялся адресат этих доносов. (...) Влияние группировок, когда-то решавших судьбу страны, этих бывших хозяев социалистической Польши и их наследников, по-прежнему огромно, в том числе в средствах массовой информации. (...) Представители одного и того же мировоззрения, нигилисты, атеисты, посткоммунисты и либералы заняли ключевые посты в СМИ, государственных институтах и органах власти. (...) Их европейские товарищи (...) успешно перекроили мировоззрение граждан в своих странах, и теперь хотят экспортировать свои нигилистические миазмы к нам и нашим соседям. Мы должны их остановить», — проф. Богдан Хазан. («Наш дзенник», 2-3 янв.)

• «Правительственный центр координации законодательства вчера, после 9-дневной волокиты, опубликовал решение Конституционного суда от 9 декабря». «Этим решением суд признал несоответствующим конституции лишение председателя и заместителя председателя суда их полномочий. (...) В среду, 16 декабря, Правительственный центр координации законодательства опубликовал решение суда от 3 декабря, подтверждающее законность избрания трех из пяти судей, осуществленного Сеймом предыдущего созыва, и постановил, что президент обязан немедленно привести их к присяге. (...) Окружная прокуратура Варшавы проводит расследование в связи с приостановкой публикации решений». (Эва Седлецкая, «Газета wyborcza», 19-20 дек.)

• «Из кругов, близких к канцелярии премьер-министра, в Конституционный суд вчера поступила информация о том, что премьер Беата Шидло лично запретила руководителю Правительственного центра координации законодательства публиковать решение суда в “Законодательном вестнике”», — Ежи Стемпень, бывший председатель Конституционного суда. («Газета wyborcza», 8 дек.)

• «Вчера президент подписал новую редакцию закона о Конституционном суде, меняющую принципы, на основе которых функционирует суд. В соответствии с этими изменениями, вступающими в силу в день их опубликования, Конституционный суд будет рассматривать дела в порядке поступления, по большинству дел выносить решения полным составом судей, а для принятия решения будет необходимо не менее 2/3 голосов. По мнению юристов, эти нововведения преследуют цель парализовать работу Конституционного суда. Кроме того, закон содержит положения, которые могут противоречить конституции. Среди них, в частности, называют правило, согласно которому прекращение полномочий судьи утверждается Сеймом. (...) Оппозиция полагает, что депутаты от партии «Право и справедливость» специально, с целью лишить Конституционный суд возможности проверить законность этих изменений, предусмотрели в новой редакции закона положение, в соответствии с которым он вступает в силу с момента публикации». (Малгожата Крышкевич, «Дзенник газета правна», 29 дек.)

• «“Последние поправки к закону о Конституционном суде, подготовленные депутатами от «Права и справедливости», фактически предусматривают обход основного закона. А раз так, то к данному нормативно-правовому акту неприменима презумпция соответствия конституции с момента опубликования”, — считает проф. Малгожата Герсдорф, первый председатель Верховного суда. Такие выводы содержатся в ее заявлении, направленном в адрес Трибунала. Первый председатель Верховного суда требует признать несоответствующими конституции все изменения, внесенные в закон о Конституционном суде (КС) в декабре. (...) Кроме того, проф. Герсдорф настаивает, чтобы ее заявление было рассмотрено КС по правилам, действовавшим до принятия скандального закона. В противном случае, если суд будет функционировать в соответствии с принятыми 28 декабря нововведениями, он рассмотрит заявление первого председателя Верховного суда лишь через несколько лет». (Малгожата Крышкевич, «Дзенник газета правна», 31 дек. 2015 – 1 янв. 2016)

• «Большинство изменений, в спешке внесенных «Правом и справедливостью» в закон о Конституционном суде, ослабляют роль председателя суда. (...) Проф. Анджей Жеплинский, председатель КС, в интервью телеканалу «TVN 24» заявил, что планирует как можно быстрее провести проверку закона, разработанного «Правом и справедливостью», «поскольку этого требует ситуация». На практике это означает, что председатель КС не признает принципа очередности рассмотрения трибуналом нормативно-правовых актов, введенного новым законом. “Судья Конституционного суда подчиняется только конституции, а она осталась неизменной”, — подчеркнул Жеплинский. Такая позиция призвана продемонстрировать парламентскому большинству, что председатель КС впервые в истории Третьей Речи Посполитой не признает закон, принятый парламентариями. “Мы, судьи КС, а также его первоклассные юристы, общими усилиями защитим целостность Конституционного суда как органа, обладающего исключительным правом на осуществление контроля за конституционностью законов”, — заявил проф. Жеплинский». (Анджей Станкевич, «Жечпосполита», 30 дек.)

• «Закон, принятый среди ночи, в авральном режиме, не будет пользоваться уважением у граждан страны. Нельзя при разработке законопроектов не учитывать точку зрения экспертов, пренебрегать мнением гражданского общества и его институтов. (...) Мы смотрим по телевизору репортажи с заседаний Сейма и видим, что право принадлежит тому, кто сильнее. Учитывая обстоятельства, при которых осуществляется у нас процесс

законотворчества, приходится открыто признать, что политики постепенно придали ему совершенно варварские, дикие формы. (...) Адвокатура пережила концлагерь в Березе-Картузской и времена сталинизма. (...) Я обращаюсь ко всем полякам: не бойтесь, мы с вами. Главная задача адвокатов — это защита гражданских прав. Мы делаем это сейчас и будем делать впредь. Я обещаю, и пусть газета, публикующая это интервью, будет мне свидетелем, что мы поможем каждому, кто пострадает от действий власти», — Анджей Звара, председатель Главного адвокатского совета. («Дзенник газета правна», 29 дек.)

- «“Мы обращаемся к участникам конфликта вокруг Конституционного суда с призывом отказаться от действий, подрывающих престиж суда и ослабляющих его роль”, — говорится в резолюции, принятой вчера Сенатом Варшавского университета. Ранее подобные резолюции приняли советы юридических факультетов Силезского, Ягеллонского, Варшавского, Вроцлавского университетов, университета Адама Мицкевича в Познани, а также Институт юридических наук Польской Академии наук». («Газета wyborcza», 17 дек.)

- «Все структуры и организации, включая генеральную прокуратуру, а также Парламентский центр координации законотворчества, признали несоответствующими конституции изменения, внесенные в закон о

Конституционном суде. Действия «Права и справедливости» вызвали также обеспокоенность председателя ПАСЕ Анны Брассер, первого заместителя председателя Европейской комиссии Франса Тиммерманса и Яна Яжомба, директора европейского представительства Управления Верховного комиссара ООН по правам человека. На прошедшей во вторник пресс-конференции официальный представитель Госдепартамента США Марк Тонер заявил, что американские власти также обратились к польскому правительству с вопросами относительно “юридических процедур, связанных с Конституционным судом”». (Эва Седлецкая, «Газета wyborcza», 9 дек.)

- «“Если польское правительство не изменит своего решения, касающегося Конституционного суда, в отношении Польши необходимо будет ввести санкции. Развитие событий в Варшаве напоминает сценарий, который прошли многие диктаторские режимы”, — заявил министр иностранных дел Люксембурга Жан Ассельборн журналистам агентства “Рейтер”». (Бартош Т. Велинский, «Газета wyborcza», 24-27 дек.)

- «Ярослав Качинский (...) в большом интервью телеканалу «ТВ Республика» открыто признался, что он против того, чтобы Конституционный суд был, по выражению Качинского, «третьей палатой парламента». Председатель правящей партии не скрывает, что ему не нужен чей-либо контроль и что властью он делиться ни с кем не собирается». (Марек Островский, «Политика», 2-8 дек.)

- «Ситуация весьма неоднозначна. Изменения в закон о Конституционном суде, довольно грубально введенные «Правом и справедливостью», парализуют работу КС и существенно снижают его роль в судебной системе страны. Вдобавок они расшатывают само государство, по крайней мере, в том его виде, в котором мы привыкли его воспринимать. (...) В ближайшие годы «Право и справедливость» будет стараться переделать всю систему государственного устройства. И для начала правящая партия решила взять под контроль Конституционный суд. Логика тут простая: сначала понизить суд в статусе и лишить полномочий, а затем подчинить себе. (...)

Заинтересованы ли поляки в уничтожении государства либеральной демократии? (...) Ведь совсем не исключено, и даже весьма вероятно, что существовавшая ранее конституционная система пользовалась поддержкой большинства населения Польши. Да, поляки считают, что некоторые корректировки и изменения необходимы, однако за прошедшие 25 лет привычка к свободе и демократии вошла в нашу плоть и кровь. (...) «Битва за суд» может стать искрой, от которой разгорится куда более серьезный социально-политический конфликт», — Богуслав Храбета, главный редактор газеты «Жечпосполита». («Жечпосполита», 24-27 дек.)

- «Вот уже вторые выходные подряд на улицы польских городов выходят тысячи людей, недовольных политикой наших властей. (...) Субботняя манифестация в Варшаве была не такой массовой, как неделю назад. По данным полиции, в ней принимало участие около 10 тыс. человек. (...) “Эти протесты организуются теми, кто потерял власть, привилегии и влияние. (...) К примеру, Рышард Петру защищает интересы финансовых кругов”, — убеждала в эфире «TVN 24» Беата Шидло. Гораздо более резко о маршах, организуемых Комитетом защиты демократии (КЗД) высказался депутат Павел Кукиз: “КЗД финансируется из-за границы. Еще 150 миллионов им подбросит один банкир-еврей”». (Мартин Пеньковский, «Жечпосполита», 21 дек.)

- «Свое возмущение словами депутата выразил Союз еврейских религиозных общин Республики Польша. В открытом письме председателя союза Леслава Пишевского, в частности, говорится: “Впервые после демократических выборов 1989 года политик, представляющий своих избирателей в парламенте, таким неоднозначным образом прибегает к антисемитской риторике. (...) Надеемся, что польские власти не промолчат и решительно осудят эти экстремистские, антисемитские высказывания”». («Жечпосполита», 23 дек.)

- «“Пишу, обеспокоенная последними событиями, в ходе которых дело дошло до антиеврейских эксцессов, — написала посол Израиля в Польше Анна Азари маршалу Сейма Мареку Кухцинскому. — Мы были свидетелями «Марша свободы и солидарности», проводимого «Правом и справедливостью», на котором появились антисемитские транспаранты; в Сохачеве было осквернено еврейское кладбище, а на прошлой неделе депутат Павел Кукиз голословно обвинил евреев в финансировании антиправительственных протестов”». («Газета wyborcza», 24-27 дек.)

- «Марши, организованные Комитетом защиты демократии, прошли также в других крупных городах Польши, в частности, в Торуни, Ченстохове, Зеленой-Гуре, Быдгоще, собрав на некоторых из них по несколько тысяч

участников. В целом манифестации прошли спокойно, если не считать инцидента в Грудзёндзе, где произошла довольно шумная перебранка». (Мацей Дея, «Польшка», 21 дек.)

- «Во Вроцлаве (...) пришли 3-4 тыс. человек. (...) Примерно столько же участников было в Познани. (...) В Кракове в манифестации участвовали 8-10 тыс. человек, (...) в Гданьске — 10 тысяч. (...) В Быдгоще и Лодзи прошли «антидемонстрации». В Лодзи их провели активисты партий «Национальное движение» и КОРВИН («Коалиция обновления Республики — воля и надежда»), а в Быдгоще организаторами, в частности, выступили «Газета польска» и движение «Солидарность-2010». (Михал Вильгоцкий, «Газета wyborcza», 21 дек.)

- «Рышард Петру напомнил, что в уходящем году поляки однозначно высказались за перемены в политике и управлении страной. “В уходящем году, ознаменовавшемся неожиданным поворотом, поляки громко и решительно высказались за перемены, озвучив свои мечты о лучшей, полной достоинства и богатой Польше. Но их надеждам не суждено было осуществиться. Выдвинутые новым правительством идеи угрожают стране хаосом и деградацией, — заявил Петру, добавив, что альтернатива все-таки есть. — Я обращаюсь к вам как лидер парламентской оппозиции. Для многих людей партия «Современная» стала символом надежды. Мы должны верить, что разумные перемены возможны”». (Яцек Лизиневич, «Газета Польска цодзенне», 2-3 янв.)

- «Армия должна быть довольна. Минимальный оклад профессионального военного с января составляет 2,9 тыс. злотых, максимальный — 15 тыс. злотых. (...) Вырастут отпускные, договорная ставка в связи с переводом, а также ставки, связанные с перепрофилированием лиц, увольняющихся из вооруженных сил. (...) Повышение окладов также ждет структуры органов внутренних дел. (...) На повышение должностных окладов своих сотрудников ведомство получило более 31,2 млн злотых. (...) Сотрудники МВД также могут рассчитывать на повышение окладов в следующем году». (Божена Викторовская, Артур Радван, «Дзенник газета правна», 7 янв.)

- «В день, когда фракция «Права и справедливости» внесла на рассмотрение Сейма проект изменений в закон о средствах массовой информации пресс-секретарь партии Беата Мазурек заявила: “Надеюсь, нынешняя риторика масс-медиа, против которой мы выступаем, наконец-то уйдет в небытие”. Руководитель фракции Рышард Терлецкий добавил: “Если СМИ собираются и дальше привлекать внимание поляков критикой наших реформ, мы положим этому конец”». (Яцек Низинкевич, «Жечпосполита», 30 дек.)

- «Внесенный «Правом и справедливостью» проект изменений в закон о СМИ отдает телеканал «TVP» и «Польское радио» в руки министра казначейства. Теперь он будет назначать и распускать правления и наблюдательные советы этих СМИ, их руководство будет избираться не на конкурсной основе, на неограниченный срок полномочий. Законопроект дает министру право отозвать новое руководство и наблюдательный совет в любую минуту. (...) Законопроект был принят Сеймом впопыхах, за два дня. Сенату на его рассмотрение понадобилось несколько часов. Закон вступает в силу на следующий день после официального опубликования». (Агнешка Кублик, «Газета wyborcza», 2-3 янв.)

- «Первая программа Польского радио присоединяется к протесту. Об этом на страницах еженедельника «Жечпосполита» сообщил ее директор Камил Домброва. С 1 января этого года радио в начале каждого часа передает государственный гимн попеременно с «Одой к радости», гимном Евросоюза. Директор Первой программы заявил, что его радиостанция выражает протест в связи с принятием парламентом в последний день года закона о СМИ. Как подчеркнул Домброва, протестная акция будет продолжаться так долго, как только возможно». (Мацей Марош, «Газета Польска цодзенне», 2-3 янв.)

- «Президент Европейского вещательного союза Жан-Поль Филиппо в открытом письме к премьер-министру Беате Шидло призвал польское правительство отказаться от запланированного усиления политического контроля над масс-медиа. Он раскритиковал правительство Польши в связи с отсутствием консультаций с общественностью относительно нового закона о СМИ, а также за решение превратить общественные медиа-компании в государственные институты, изменение процедуры избрания руководства компаний и скоропалительные кадровые перестановки». («Газета wyborcza», 19-20 дек.)

- «Комиссар ЕС по делам цифровой экономики и информационного общества Гюнтер Эттингер подверг критике новую редакцию закона о СМИ. (...) “Многое указывает на то, что пора запустить механизм контроля за соблюдением в Польше законности и поставить Варшаву под надзор”, — заявил Эттингер. (...) Поводом для этих мер еврокомиссар назвал изменения в законе о СМИ, пообещав высказаться в пользу именно такого способа решения проблемы в ходе назначенного на 13 января заседания Европейской комиссии». (Мартин Пеньковский, «Жечпосполита», 4 янв.)

- «Ярослав Качинский забывает, что Европейский союз — это не только общая экономика, но также общие идеи и правовые нормы, которые мы обязались соблюдать. Сегодня «Право и справедливость» относится к ЕС как к помехе, препятствующей осуществлению в Польше системной революции. И это отдаляет нас от Европы». (Павел Залевский, «Польшка», 4 янв.)

- «Высшие руководящие должности в государственной администрации больше не будут заниматься на конкурсной основе — чиновников станут на них назначать. Такие изменения внесены в закон о государственной гражданской службе. Сейм уже одобрил соответствующий законопроект, который ждет лишь президентской подписи. Новые правила коснутся приблизительно 1600 чиновников в министерствах, администрациях воеводств и других органах государственного управления. (...) Назначаемыми также станут руководящие должности зарубежной дипломатической службы. Высшие органы власти станут открыты также для лиц, не

состоящих на государственной гражданской службе. До настоящего времени эти должности укомплектовывались на конкурсной основе». (Кшиштоф Лош, «Наш дзенник», 2-3 янв.)

- «Перемены в работе чиновничьего корпуса нужны, но нельзя же этих людей всем скопом выбрасывать на улицу, заменяя «своими». Это нарушает непрерывность и слаженность работы государственных органов, а институциональная память начинает хромать, нам приходится всякий раз заново «изобретать велосипед» и учить алфавит. Так мы никогда не достигнем высокого профессионального уровня», — проф. Ежи Хауснер. («Польска», 24-27 дек.)

- «За две недели до конца года Сейм внес изменения в закон о государственном бюджете на 2015 год. Дефицит бюджета был повышен с 46,1 млрд злотых до неполных 50 млрд злотых. (...) Во вторник министерство финансов сообщило данные о состоянии бюджета на этот год по итогам прошедших 11 месяцев. За месяц до конца года дефицит бюджета оказался на 10 млрд злотых ниже запланированного. Так что необходимости менять закон нет, хором твердят бывшие министры финансов и экономисты. (...) Злотый сильно понизился в цене. В начале этой недели стоимость евро составила 4,37 злотых — это самый высокий показатель за год. Швейцарский франк подскочил до 4,05 злотых. Злотый также подешевел по отношению к венгерскому форинту и чешской кроне. (...) Биржевые индексы снижаются вот уже несколько месяцев». (Петр Сквировский, «Газета wyborcza», 17 дек.)

- «Задолженность Польши — как государственная, так и частная — растет быстрее, чем ВВП. За 15 лет мы почти удвоили сумму государственного и частного долга по отношению к ВВП. Если в 1999 г. ВВП составлял немногим более 100%, то к 2014 г. нам удалось повысить его почти до 200%! Источник: отчет WEI (Warsaw Enterprise Institute)». («Впрост», 14-20 дек.)

- «В результате визита в Варшаву вице-председателя Европейской комиссии Валдиса Домбровскиса не слишком ответственным заявлениям вице-премьера Матеуша Моравецкого и министра финансов Павла Шаламахи о том, что превышение порога в 3% дефицита еще не представляет никакой проблемы, был быстро положен конец. (...) Ни для кого не секрет, что в сегодняшней Польше — на фоне разрушения правовой системы — происходят весьма негативные процессы в экономике. (...) Первым наиболее заметным симптомом выступает кадровая чистка, а если точнее, ее масштаб и диапазон. Размах чистки среди номенклатуры, что вскоре обескровит и гражданскую службу, поистине беспрецедентен. Хуже всего, что «Право и справедливость» не располагает профессиональными кадрами. (...) За последние годы нам удалось сформировать целые группы квалифицированных менеджеров, работавших в государственном казначействе. Теперь этих специалистов всячески выживают. (...) В прошлом финансами занимались люди, которые бывали по-своему спорными, могли кому-то не нравиться, но всегда умели твердо сказать «нет». Они чувствовали свою ответственность за страну. В нынешней же команде я таких людей пока что не вижу. (...) Нелегко разрушить такую крепкую экономику, как наша, с ее достижениями за последние четверть века. (...) Я все время надеюсь на отрезвление власть имущих, без напоминаний из-за границы», — Януш Левандовский, депутат Европарламента, бывший министр приватизации, комиссар ЕС по бюджетным вопросам в 2010-14 гг., преподаватель Гарвардского университета. («Газета wyborcza», 23 дек.)

- «Польша становится все менее привлекательной в глазах инвесторов. (...) Катализатором распродажи польских акций выступает банковский налог, создающий ряд ограничений, а также ассиметричное по отношению к банкам налогообложение страховщиков. Над рынком все время нависает угроза нестабильности, связанная с розничным и ипотечным налогом, налогом на франкирование, а также с судьбой Открытых пенсионных фондов». (Пшемислав Тыхманович, «Жечпосполита», 11 дек.)

- «Официальное письмо руководителя Комиссии по финансовому надзору первым лицам страны и начальникам служб, содержащее информацию о том, что средства Кооперативных кредитно-сберегательных касс (ККСК) оказались на частных банковских счетах братьев Берецких, вызвало переполох в рядах правящей партии. (...) На покрытие финансовых потерь граждан, хранивших свои сбережения в кассах-банкротах, из Банковского гарантийного фонда были выделены государственные средства в размере 3,2 млрд злотых. (...) «Право и справедливость» распрощалась с Берецким, хотя всего лишь формально. Лидер партии Качинский втихую поддержал Берецкого на выборах в Сенат, не выставив против него контркандидата. Так автор проекта ККСК стал сенатором. (...) На прошлой неделе в Кооперативный научный институт в Сопоте, возглавляемый Берецким, явились сотрудники Агентства внутренней безопасности, чтобы изъять финансовые и бухгалтерские документы, связанные с перечислением денег на счета института». («Политика», 16-27 дек.)

- «Бывшие депутаты от «Права и справедливости» Адам Хофман, Мариуш Антоний Каминский и Адам Рогацкий не станут преследоваться в судебном порядке за оплаченные из бюджета Сейма перелеты в Мадрид и другие европейские столицы. Прокуратура закрыла дело в отношении депутатов». («Жечпосполита», 30 дек.)

- «“Право и справедливость” провела через Сейм и Сенат закон об изменениях в водном законодательстве. (...) Формулировку о том, что в планах по благоустройству «учитываются» карты угрозы наводнений партия “Право и справедливость” заменила на фразу «могут учитываться». В другом абзаце закона авторы нововведений указали, что органы самоуправления «могут» — а не «должны», как раньше — учитывать уровень угрозы наводнений при выдаче решений об условиях застройки и размещения инвестиций». (Эдита Брыла, «Газета wyborcza», 31 дек.)

- «Усилиями сменявших друг друга министров охраны окружающей среды (...) вырубка деревьев в Беловежской

пуще была существенно ограничена. Заготовка древесины в пуще снизилась со 100-150 тыс. кубометров в год до 48 тысяч. (...) Благодаря этому беловежский лес начал вновь приобретать свой естественный вид, а Европейская комиссия приостановила производство в отношении Польши, связанное с нарушением нашей страной природоохранных директив. (...) Новый министр охраны окружающей среды Ян Шишко сразу же после своего вступления в должность посетил Беловежскую пущу. После его визита надлесничество Беловежа (одно из трех лесничеств, расположенных на территории Беловежской пущи) опубликовало приложение к «Плану лесоустройства», предусматривающее вырубку в объеме 52 тыс. кубометров леса в год! Это в восемь раз превышает действовавшие ранее нормативы, поскольку предыдущий такой план предусматривал 6 тыс. кубометров. Кроме того, под рубку должны пойти деревья, чей возраст намного превышает столетний. (...) В двух остальных надлесничествах, расположенных на территории пущи, готовятся аналогичные планы. (...) Против вырубки деревьев уже выступили Комитет охраны природы Польской академии наук и Государственный совет по охране природы». (Адам Вайрак, «Газета wyborcza», 4 янв.)

- «Европейская комиссия подала на Польшу жалобу в Европейский суд в связи с загрязнением воздуха. Если мы в кратчайшие сроки не ликвидируем повисший в воздухе смог, Польше придется заплатить штраф в размере 4 млрд злотых. (...) Как указала в жалобе Европейская комиссия, “за последние 5 лет в Польше суточное содержание PM10 (ядовитые частицы диаметром менее 10 микрометров) превышает норму в 35 из 46 зон. В девяти зонах превышен объем годового содержания”. Комиссия также подчеркнула, что “юридические и административные меры, предпринятые Польшей, оказались недостаточными”». («Газета wyborcza», 11 дек.)
- «В нашей стране самый грязный воздух в Европе, говорится в отчете Европейского агентства окружающей среды. Наиболее опасно сильное загрязнение воздуха канцерогенным бензопиреном, который поступает в воздух из домашних печей, сжигающих уголь, мусор и древесину. Его максимальная концентрация в воздухе не должна превышать 1 нг/м.куб., однако 1/5 граждан ЕС проживает в городах, где эта норма превышена. К сожалению, в первую очередь это касается поляков». («Газета wyborcza», 2 дек.)

- «Очереди к врачам становятся все длиннее. В октябре и ноябре больным приходилось дожидаться визита в среднем 3 месяца. (...) Рекорд ожидания в очереди сегодня составляет 13 лет — именно столько времени одному из пациентов предложили дожидаться процедуры эндопротезопластики тазобедренного сустава; одна из подкарпатских клиник назначила операцию на 2029 год. В среднем же польские пациенты ждут свой новый тазобедренный сустав 44 месяца. (...) Зато ждать удаления катаракты пациенту приходится всего 18,5 месяцев». (Клара Клиндер, «Дзенник газета правна», 8 дек.)

- «В ночь с четверга на пятницу сотрудники министерства национальной обороны провели во временные помещения Экспертного центра по делам контрразведки НАТО полковника Роберта Балу, нового директора центра». («Газета Польска цодзенне», 19-20 дек.)

- «Министр обороны Словакии Мартин Глвач направил своему польскому коллеге Антонию Мацеревичу довольно жесткое письмо, в котором напомнил, что экспертный центр не подчиняется министерству обороны Польши, “был создан по инициативе 10 стран-членов НАТО”, пользуется статусом “независимого международного подразделения”, поэтому “какие-либо реорганизации в нем должны производиться в соответствии с международными процедурами”». (Войцех Чухновский, Павел Вронский, «Газета wyborcza», 31 дек. 2015 — 1 янв. 2016)

- «Первые недели работы кабинета Беаты Шидло продемонстрировали, что и высказывания, и поступки его членов грозят нам разрывом связей с нашими западными партнерами. (...) Министр Конрад Шиманский после трагедии в Париже шокировал наших партнеров из ЕС заявлением о том, что теперь Польша не видит политических возможностей по выполнению ранее взятых на себя обязательств относительно размещения беженцев. (...) Министр внутренних дел, совершенно без надобности, начал предъявлять Германии претензии за резню в варшавском районе Воля в августе 44-го. (...) После этого заместитель министра обороны заявил, что у Польши есть атомные амбиции и она будет стремиться к обладанию ядерным оружием. (...) Министр обороны Антоний Мацеревич дал понять, (...) что Польша отказывается от приобретения как французских вертолетов «Сагасал», так и американского противоракетного комплекса «Patriot». А сам Ярослав Качинский сравнил критику со стороны некоторых немецких СМИ и двоих, также немецких, политиков со... вторжением СССР в Венгрию в 1956 году и Чехословакию в 1968-м. (...) В результате такой «политики» (...) наши западные союзники (и восточные противники) могут начать воспринимать нас как страну крайне несерьезную, даже странную, с которой никто не хочет иметь ничего общего». (Марек Мигальский, «Жечпосполита», 16 дек.)

- Около шести часов продолжалась воскресная встреча Ярослава Качинского и Виктора Орбана в Нидзице. С сопровождавших Качинского лиц было взято обязательство о неразглашении деталей встречи. Утечка информации о беседе Качинского и Орбана произошла со стороны венгров. (по материалам «Дзенника газеты правной» и «Жечпосполитой» от 7 янв.)

- «Премьер-министр Виктор Орбан заявил вчера в эфире венгерского государственного радио, что Будапешт никогда не согласится на введение Евросоюзом санкций в отношении Польши». (Михал Кокот, «Газета wyborcza», 9-10 янв.)

- «Глядя на происходящее в Польше, я думаю, что одна страна и ее лидер должны быть сейчас довольны. Я имею в виду Россию и Путина», — проф. Ежи Хауснер. («Польска», 24-27 дек.)

- «То, что происходит сегодня в Польше, вызывает у меня определенные опасения. (...) В своих оценках ситуации я в значительной степени согласен с точкой зрения, выраженной в письме бывших польских президентов, премьер-министров и маршалов парламента — а эта группа людей, безусловно, является очень ценным и заслуживающим доверия источником информации. Подобные опасения высказывают и другие люди, к примеру, нынешний председатель Совета ЕС Жан Ассельборн. (...) Политическая обстановка в Польше очень сложна, а поведение властей противоречиво. Я чувствую, что все идет к конфронтации», — председатель Европарламента Мартин Шульц. («Жечпосполита», 21 дек.)
- «То, что в канцелярии премьера были сняты часы и заменены на крест (...), наглядно иллюстрирует столкновение двух разных концепций времени, свойственных двум разным ментальным культурам. Для предшественников нынешней власти, присутствие которых и символизировали часы, наличие самих этих часов означало, что данные политики существуют в режиме линейного, измеряемого времени, (...) и это время отсчитывается ритмом цивилизации, сформировавшейся в эпоху Просвещения и наступившей вслед за ней новой истории. (...) Появление же на месте часов креста означает, что новая команда живет в совершенно ином временном измерении и что хронологическое время для нее совершенно не важно, зато важно время символа, обряда, ритуала. Это очень насыщенное, плотное время, не имеющее ничего общего с обычным чередованием часов и минут. (...) Перед самым Рождеством мы наблюдаем довольно жесткое столкновение двух цивилизаций. (...) И одна из них хочет переломить другой хребет. (...) А самое печальное, что Церковь и ее иерархи, которые в значительной степени несут ответственность за происходящее, которые принимали в этом прямое участие, теперь, когда конфликт начал разгораться, вдруг замолчали», — проф. Збигнев Миколейко. («Польска», 24-27 дек.)
- «Во время археологических раскопок, проводимых мной на территории Великопольского воеводства, я несколько раз наткнулся на человеческие останки со следами каннибальских ритуалов. Обнаруживались они на местах поселений, принадлежащих к раннему железному веку (ок. 750-400 лет до н.э.), где жили народы, которые в значительной степени могут быть причислены к праславянам. (...) Опуская подробности дальнейших открытий, связанных с людоедством в указанную эпоху на территории Великопольской равнины, (...) скажу, что каннибализм все-таки не был масштабным явлением, а сводился к единичным случаям», — проф. Тадеуш Малиновский. («Пшегленд», 7-13 дек.)
- «Очередной миллион поляков мечтает уехать. Но на этот раз речь идет не только об эмиграции ради заработка. По данным исследований, люди в первую очередь ищут за границей УВАЖЕНИЯ к себе по месту работы. Они знают, что их будут эксплуатировать, и согласны на это, но им хотелось бы, чтобы эксплуатация носила творческий характер. Во-вторых, им хочется иметь перспективы. Они понимают, что стабильная долгосрочная карьера — это миф, поскольку в сегодняшнем мире очень трудно предсказать будущее той или иной отрасли даже на ближайшие три года, однако нашим соотечественникам хотелось бы, чтобы лидеры компаний и фирм находились в постоянном контакте с трудовым коллективом и открыто говорили о своем видении ситуации. И в-третьих, они хотят работать в командах (...). Сотрудничать, а не только соревноваться. (...) Одними деньгами этих людей в стране не удержишь, поскольку деньги интересуют их не в первую очередь. Удержать их от эмиграции может только смена культурного контекста. (...) Да, благодаря компаниям с четкой иерархической структурой и политическим партиям, сплоченным вокруг одного лидера, мы добились за эти 25 лет многого, однако (...) теперь эти факторы начинают тяготить нас и грозят поражением», — Яцек Санторский, в 2012-14 гг. был членом Совета по экономике при премьер-министре Дональде Туске. («Газета wyborcza», 24-27 дек.)
- «Увеличилось (на 9%, достигнув 50%) число респондентов, которые считают, что ситуация в Польше ухудшается, одновременно снизилось (на 7%, до 27%) количество придерживающихся противоположного мнения. (...) ЦИОМ, 3-10 декабря». («Газета wyborcza», 19-20 дек.)
- «Согласно опросу ЦИОМа, количество позитивно оценивающих деятельность президента Анджея Дуды выросло с 33% в августе до 43% в декабре 2015 года. Уровень же негативных оценок повысился с 15% в августе до 40% в декабре того же года». («Пшегленд», 4-10 янв.)
- По мнению 23,4% опрошенных, президент Анджей Дуда выступает гарантом соблюдения конституции Польши. 51,3% участников опроса придерживаются противоположного мнения. У 25,3% респондентов нет сложившейся точки зрения по данному вопросу. Опрос проводило агентство «SW Research». («Ньюсуик Польска», 4-10 янв.)
- «81% поляков, опрошенный агентством «TNS» 10-11 декабря считает, что политики при любых обстоятельствах должны соблюдать закон, даже если это противоречит их представлениям о справедливости. 58% респондентов согласны с утверждением, что начинания президента Дуды — это покушение на демократию. Две трети опрошенных считают президента Дуду политиком несамостоятельным, целиком зависимым от Ярослава Качинского». («Газета wyborcza», 15 дек.)
- Поддержка партий: «Право и справедливость» — 27%, «Современная» (Рышард Петру) — 24%, «Гражданская платформа» — 16%, Кукиз'15 — 12%, Коалиция левых сил — 6%, «Вместе» — 4%, крестьянская партия ПСЛ — 4%. Опрос проведен агентством «TNS» 10-11 декабря. («Газета wyborcza», 15 дек.)
- «Брунон Квецинский признан виновным в подготовке нападения на Сейм. Суд Кракова приговорил его к 13

- годам лишения свободы. Прокуратура обвинила бывшего сотрудника Сельскохозяйственного университета в Кракове в намерениях детонировать вблизи парламента 4 тонны взрывчатки. Взрыв должен был произойти во время парламентского заседания с участием президента, премьер-министра и членов правительства. Квецинский признался в подготовке теракта, однако виновным себя не считает». («Жечпосполита», 22 дек.)
- «Белорусский суд вынес обвинительный приговор активистам, почтивших память повстанцев 1863 года. Наказание понесут три человека, в частности, за возложение цветов к установленному в Свислочи памятнику предводителям восстания — диктатору Ромуальду Траугутту и Кастусю Калиновскому, одному из руководителей восстания в Белоруссии. (...) Оба они в отрочестве ходили в школу в городе Свислочь». («Жечпосполита», 20 нояб.)
 - «Польско-литовские отношения овеяны довольно мрачными мифами, но в действительности наше сотрудничество очень плодотворно, считает президент Литвы. Даля Грибаускайте назвала положительные примеры такого сотрудничества: завершение строительства электроэнергетического моста, строительство скоростной дороги и подготовка к строительству газопровода». («Жечпосполита», 30 дек.)
 - «В Киеве президент Анджей Дуда отступил от принципов участия Польши в переговорах об окончании войны на Украине и необходимости возобновления дискуссии по Минским соглашениям. «Польский лидер предложил президенту Украины более тесное региональное сотрудничество, и в первую очередь военное сотрудничество с Вышеградской группой. (...) Петр Порошенко также получил приглашение на июльский саммит НАТО в Варшаве. (...) Кроме того, президенты обсудили вопрос деокупации Крыма. (...) Не обошлось и без материальной поддержки — Польша пообещала Украине кредит в размере 4 млрд злотых». (Анджей Ломановский, «Жечпосполита», 16 дек.)
 - «Министерство иностранных дел Польши считает безосновательной высылку из России польского журналиста, корреспондента «Газеты выборчей» Вацлава Радзивиловича. (...) Его многолетняя работа в Российской Федерации в качестве корреспондента не может сравниваться с деятельностью в Польше Леонида Свиридова. (...) Лишение аккредитации и требование покинуть Польшу в отношении Леонида Свиридова не были связаны с его журналистской деятельностью. Решение о лишении его прав зарубежного корреспондента было принято (...) на основе запроса Агентства внутренней безопасности». («Газета выборча», 19-20 дек.)
 - «В пятницу Польша впервые получила газ не из России. В порт города Свиноуйсьце вошел груженный сниженным газом (200 тыс. тонн, то есть 120 млн кубометров газа, перешедших в жидкое состояние после охлаждения до -162 градусов Цельсия) корабль из Катар». («Газета выборча», 12-13 дек.)

2: Статистическая картина имущества поляка

— *Исследование «Зажиточность домашних хозяйств в Польше», которое было впервые проведено вашим банком, предоставило, надо полагать, много сведений на тему не только финансовой ситуации поляков, но также их склонности к накоплению сбережений и мотивов такой склонности.*

— Скажу больше — полученные в итоге знания о том, как люди управляют своими деньгами, достаточно много говорят нам также о стиле жизни поляков, хотя это и не было целью исследования, проведенного в 2014 г. при сотрудничестве с Главным статистическим управлением РП на выборке из 7 тыс. домашних хозяйств со всей страны. Это было первое в Польше исследование, в котором учитывались накопленные ресурсы и задолженность, — обычно исследуются доходы и расходы семей. Поскольку данное исследование проводилось на основании методики, отработанной в Европейском центральном банке, мы можем сравнивать наши результаты с результатами в разных странах из зоны евро. Для начала мы установили, что в Польше стоимость имущества среднего домашнего хозяйства составляет 257 тыс. злотых.

— *Из чего складывается это имущество?*

— Самым важным составным элементом имущества является основное место жительства — в Польше около 77% домашних хозяйств владеют квартирой или домом, 19% имеют, кроме того, другую недвижимость. Высокой стоимостью характеризуется также имущество, связанное с ведением хозяйственно-экономической деятельности. В среднем эта величина составляет 220 тыс. злотых, согласно декларациям, владеет таким имуществом свыше 19% исследуемых. Финансовые активы обладают меньшим значением для имущества домашних хозяйств — в среднем это 8-8,5 тыс. злотых.

— *Видимо, данное исследование позволяет ответить на вопрос, по какой причине одни домашние хозяйства более зажиточны, а другие — менее?*

— Исследование подтвердило тенденции, согласующиеся с интуицией и повседневными наблюдениями, например, что на протяжении цикла жизни домашнего хозяйства его имущество растет, но лишь до определенного момента. Имущество обычно является частью откладываемого дохода, а такой процесс осуществляется постепенно — сначала необходимо добиться для себя надлежащего положения на рынке труда или развить собственную фирму, а затем на основании возникающих доходов выстраивать свое имущество. Статистически самый лучший момент для домашнего хозяйства имеет место в тот период, когда главе семьи от 45 до 54 лет. Тогда стоимость имущества в нем составляет в среднем 334 тыс. злотых. Потом она падает. Размер

имущества связан также с образованием — чем лучше мы образованы, тем выше стоимость накопленного имущества. Стоимость имущества в домашних хозяйствах, где глава семьи имеет высшее образование, составляет 350 тыс. злотых, а там, где глава семьи получил только начальное или неполное среднее образование, — лишь 150 тыс. злотых.

Зато поразительным может показаться тот факт, что сельские жители статистически более зажиточны, чем жители городов, особенно больших. Это вытекает из того, что жители деревень обычно имеют, строят и наследуют дома, — в деревнях 87% домашних хозяйств являются владельцами той недвижимости, в которой проживают, а в городах таких хозяйств лишь 73%. На зажиточность деревенских домашних хозяйств влияет также то, что жители деревни гораздо чаще, чем городские, занимаются производительной, главным образом сельскохозяйственной деятельностью.

— *А какова задолженность польских домашних хозяйств, которая, как ни говори, имеет во многом решающее значение для стоимости их имущества?*

— Оказывается, она лишь в небольшой степени уменьшает среднюю стоимость имущества, составляя около 10 тыс. злотых. Но нужно помнить, что фактическая задолженность зависит от ее типа, поскольку задолженность тех домашних хозяйств, которые взяли ипотечный кредит, равняется в среднем 104 тыс. злотых, в случае же потребительского кредита средняя сумма задолженности составляет примерно 5 тыс. злотых.

— *Как с точки зрения зажиточности домашних хозяйств мы выглядим на фоне других стран из зоны евро?*

— Оказывается, польские домашние хозяйства принадлежат к группе умеренно зажиточных. В среднем они располагают нетто-имуществом, соответствующим сумме в 61,7 тыс. евро, что составляет около 56% среднего нетто-имущества статистически репрезентативного домашнего хозяйства из зоны евро (109,2 тыс. евро). На самом высоком уровне стоимости нетто-имущества в зоне евро находятся домашние хозяйства в Люксембурге (397,8 тыс. евро) и на Кипре (266,9 тыс. евро). Мы в этом рейтинге оказались ближе к концу, где занимаем место по соседству со странами, которые характеризуются похожим уровнем валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения: за нами располагается Словакия, а перед нами — Португалия (напомним, что данное исследование было первоначально проведено в странах зоны евро и лишь затем в Польше). При этом любопытно, что в самом конце рейтинга зажиточности домашних хозяйств находится Германия. Есть смысл подчеркнуть также, что в Польше показатели имущественного неравенства заметно ниже, чем в среднем для зоны евро.

— *Позиция Германии в этом рейтинге ошеломляет.*

— Факт, что мы оказались в нем выше тех стран, у которых более высокий ВВП на душу населения, — следствие того, что важнейшим составным элементом имущества является главное место проживания. Хотя в Германии отмечается высокий уровень ВВП, приходящегося на одного среднестатистического жителя, что находит отражение в доходах немцев, домашние хозяйства бывают там собственниками квартиры или дома далеко не столь часто, как в других странах. Если в Польше 77% домашних хозяйств состоят владельцами домов и квартир, то в Германии, где действует весьма развитый рынок недвижимости, сдаваемой внаём, данный показатель равен 44%. Эта чрезвычайно большая разница между нашими странами приводит к тому, что в случае поляков зажиточность домашних хозяйств оказывается выше, чем у западных соседей. Означает ли это, что мы богаче немцев? В понимании того определения, которое использовалось в данном исследовании, — да, но если бы мы задались вопросом, обеспечивает ли нам имущество, которым мы располагаем в Польше, более высокую степень благосостояния, то ответ будет отрицательным.

— *Как выглядит склонность поляков к накоплению сбережений на фоне жителей других стран из зоны евро?*

— Как я уже упоминал, значимость финансовых активов наших домашних хозяйств в общей структуре зажиточности невелика. Польские домашние хозяйства экономят и откладывают слишком редко и слишком мало. Это означает, что они стараются не задумываться о будущем, в недостаточной степени предохраняются от вполне возможных неблагоприятных событий, скажем, таких, как потеря работы или снижение заработков. Невысокие сбережения означают, помимо прочего, еще и ограниченные возможности гарантировать себе удовлетворительный уровень потребления после окончания периода профессиональной активности или же обеспечить своим детям достойное будущее. Из нашего исследования вытекает, что 59% польских домашних хозяйств декларируют, что они откладывают сбережения. Это немалая доля, хотя большинство делает это нерегулярно. Причем надо иметь в виду, что среди самых бедных домашних хозяйств о своем желании откладывать деньги заявляют 30%, тогда как среди самых зажиточных — 80%. Склонность к накоплению сбережений растет также вместе с уровнем образования, что коррелирует с размером получаемого вознаграждения. Интересно, что у пенсионеров склонность к сбережению похожа на ту, какую демонстрируют наемные работники или же самозанятые лица. Возможно, мы в данном случае имеем дело с пожилыми людьми, у которых многие из потребительских потребностей уже отсутствуют, а сбережения они делают на «черный день» или же для обеспечения хорошего старта своему внуку либо внучке. Указанная группа клиентов выбирает скорее такие традиционные формы сбережения, как банковские вклады и казначейские облигации, а не, к

примеру, инвестиционные фонды, которые рекомендуются молодым людям, решившимся на долгосрочную инвестицию.

Подготовила Эльжбета Сорочинская, сотрудничество: П. Дыбич, В. Глуская, А. Межеевская, В. Рачковский, Б. Тумилович.

Интервью представляет собой часть проекта «Азбука банковского дела, или с банком на «ты»», осуществляемого совместно с Польским национальным банком в рамках программы экономического образования.

3: Стало безопаснее. Пожилые люди воруют меньше

— Только что опубликован пятый выпуск «Атласа преступности в Польше», флагманского издания Института правосудия *Институт правосудия — польское научное учреждение, занимающееся приведением польского права в соответствие международным правовым стандартам. Он выявил много интересных тенденций. Одна из них определенно радует — это заметный спад обычной преступности. У нас стало меньше убийств, разбоев, ограблений, угонов автомобилей. В последнем случае спад просто колоссальный, особенно по сравнению с 90-ми, когда угоны были настоящим бедствием.*

— Действительно, в 2013 г. общий показатель преступности оказался на 25% ниже, чем в 2002–2004 годах. А в некоторых категориях еще ниже. Если речь идет о угонах автомобилей, то статистика просто поражает. В пиковые годы мы регистрировали по было 75 тысяч угонов, сегодня — ок. 15 тысяч. Это пятикратный спад. Значительно уменьшилось число разбоев и — что особенно радует — убийств. Их стало вдвое меньше. Эти тенденции видны очень явно, особенно, если следить за статистикой на протяжении длительных временных интервалов, а ведь мы, вместе с Беатой Грущинской и Марекком Марчевским, занимаемся анализом информации с 1990 года. Если смотреть с такой далекой перспективы, нам есть чему радоваться.

Забавно! Насколько легче было криминологам объяснять рост преступности, а вот понять, почему показатели падают, они не в состоянии. Притом, мы это также показываем в «Атласе», спад характерен не только для нашей страны. Мы, правда, представляем данные из Польши только на фоне стран Евросоюза, но то же самое относится, например, к США или Австралии. Можно говорить просто о всемирной тенденции к спаду. Я не чувствую себя компетентным, чтобы объяснять этот тренд в мировом масштабе, так что позвольте мне ограничиться анализом отечественных показателей. Хотя некоторые закономерности, которые мы наблюдаем в Польше, относятся и к другим странам. Прежде всего, вместе со старением обществ, уменьшается группа особого криминального риска, которую составляют люди молодые либо очень молодые — в возрасте до двадцати с чем-то лет. У нас уменьшение этой группы было весьма значительно, тем более что оно усиливалось за счет не только демографических факторов, но и эмиграции, также касающейся в первую очередь молодежи.

— Откуда известно, что именно возраст является той существенной характеристикой, определяющей преступность? Ведь есть страны, в которых преступность вовсе не растет вместе с ростом этой группы населения.

— Но это исключения, подтверждающие данное правило. К примеру, в Лондоне несколько лет тому назад группа особого риска значительно увеличилась, но преступность по-прежнему снижалась. Однако есть многие факторы, ассоциировавшиеся до сих пор с ростом преступности, — например, растущее социальное расслоение, этнически смешанный состав населения, изменение прежней модели семьи, — которые теперь уже не имеют такого значения. Более того, оказывается, что спад преступности, похоже, не зависит от уголовной политики, проводимой в данной стране: сурова она или мягка — преступность все равно уменьшается. В последнее время было модно ссылаться на введенную в Нью-Йорке политику «нулевой толерантности», которая привела к снижению количества преступлений. Чепуха. В других крупных городах США, где таких решений не принималось, преступность снизилась еще больше. Поэтому у нас, криминологов, большие проблемы. За долгие годы мы привыкли объяснять причины роста преступности, но как объяснить ее спад, если все факторы, которые до сих пор вызывали ее рост, по-прежнему действуют, возможно, с еще большей силой? Возвращаясь, однако, к причинам столь явного снижения преступности, нужно также подчеркнуть, что произошло существенное изменение т.н. структур возможностей, например, из-за резкого уменьшения ценности потребительских благ. Это особенно относится ко всякого рода электронике.

— То есть кражи меньше окупаются?

— Вор тоже калькулирует, окупится ли его кража. Этот расчет сегодня представляется значительно менее выгодным. Чтобы вывезти из среднестатистической квартиры относительно ценную аппаратуру, нужно располагать каким-нибудь грузовичком. Телевизоры становятся всё больше, неудобнее, придется потаскать, чтобы затем продать скупщику по 50 злотых за штуку. Где доход, а где риск? Кроме того, стоит отметить, — а это дается мне нелегко, так как я весьма критично отношусь к деятельности нашей полиции — что некоторые

показатели раскрываемости за последние годы значительно улучшились. Это тоже увеличивает риски преступной деятельности. Не забывайте и о том, что о нашей безопасности печется не только полиция, но и, к примеру, муниципальные службы порядка. Хотя их служащие главным образом выписывают штрафы за неправильную парковку, но они всё же есть, и их видно. К этому следует еще добавить армию охранников, насчитывающую несколько сот тысяч человек. Они тоже заметны и увеличивают риск, который преступник должен принять во внимание. К тому же еще камеры. Я не переоцениваю значения мониторинга, сам помню, как несмотря на все камеры у нашего бывшего сотрудника украли велосипед. Мы ведь располагаемся там же, где Апелляционная прокуратура. Но все же в этом отношении наш мир уже довольно оруэлловский, и такой мониторинг есть повсюду. Камеры в детских садах, школах, на стадионах, не говоря уже о супермаркетах. Последний крик моды — автомобильные регистраторы. Даже если мониторинг не отпугнет, то может помочь поймать преступника, так что риск с его стороны возрастает. Существенно улучшились у нас и такие показатели, как так называемые элементы ситуационного предотвращения, например, освещение улиц. Все вместе дает результат в виде уменьшения преступности. Конечно, это не означает, что вскоре криминологам будет грозить безработица.

— *Ведь, как известно, в природе ничто не исчезает. И это еще одна тенденция, на которую вы обратили внимание в аннотации к «Атласу», и о которой я хотел побеседовать. Спаду преступности в одном месте сопутствует скачок в другом.*

— На наших глазах меняется характер преступности. Она все в большей степени переносится из реального в виртуальный мир. У интернет-мошенников на совести уже несколько десятков или несколько сот тысяч жертв. В этой области соотношение преступлений, о которых мы знаем, с количеством тех, о которых нам неизвестно, просто чудовищно. Однако даже традиционная преступность меняет свое обличье.

— *Становится менее жестокой.*

— Да, но это объясняется не добросердечием членов организованных преступных групп, а тем фактом, что традиционные сферы их деятельности — нападения на дальнобойщиков или вымогательство — уже не так привлекательны по сравнению с тем, сколько можно заработать на серьезном, часто даже разовом, жульничестве с налогом НДС. Это недавно признал глава Центрального следственного бюро, из наблюдений которого следует, что гангстеры, которые у нас постепенно начинают выходить из тюрем, уже не возвращаются к тому, за что их посадили. Теперь они главным образом занимаются организованной экономической преступностью, которая приносит многократно большую прибыль. Так что, это неправда, будто у нас нет проблем.

— *Да, но это не так заметно. Из периодически публикуемых опросов следует, что ощущение безопасности у поляков растет. Складывается впечатление, что рост преступности такого типа вовсе не должен нарушить этого ощущения безопасности, если и дальше будет снижаться число, назовем их так, традиционных преступлений. Одно дело, когда кто-то на улице украдет у меня бумажник и при этом даст мне в глаз, другое, когда кто-то меня обманет через интернет.*

— Конечно. Тем более, что часто пострадавшим оказывается даже не конкретный Ковальский, а Казначейство или какой-нибудь банк. Если кто-то привяжется ко мне на улице и — не дай Бог — побьет, я почувствую это на собственной шкуре. В случае экономических преступлений нет ощущения непосредственной угрозы. В связи с этим, мы как общество чувствуем себя, несомненно, в намного большей безопасности, чем в конце 90-х годов или в начале нынешнего столетия. Мы ведь просто либо совсем ничего не знаем об этих виртуальных преступлениях, либо, даже если знаем, то нам это безразлично. Тем временем, мошенничества с НДС оцениваются более чем в 30 млрд злотых в год. Это сумма, которую я даже представить себе не могу. Однако сознаю, что бороться с этими махинациями нелегко.

— *Удивляет также большая неравномерность географического распределения преступлений. Почему для воеводств на восточной границе характерен гораздо более низкий показатель, чем для остальных?*

— Это интересно. Мы наблюдаем эту тенденцию с начала работ над «Атласом». Самый высокий уровень преступности мы неизменно имели в Нижнесилезском, Западно-Поморском, Любушском и Силезском воеводствах, а самый низкий — в восточных воеводствах, то есть в Подляском, Люблинском, Подкарпатском и Свентокшиском. Что общего между этими воеводствами, имеющими самый низкий уровень преступности? То, что они беднее других. В свое время один корифей науки об уголовном праве начал свое интервью для какой-то газеты таким, довольно бесцеремонным, утверждением: «Общеизвестно, что преступность возникает от бедности и безработицы». Однако этот пример явно демонстрирует, что преступность положительно коррелируется с богатством, а не с бедностью. Все это, конечно, не так однозначно, ведь могут иметь значение и другие факторы, как, например, относительно сильные социальные связи в восточной части страны. Во всяком случае, по крайней мере в Польше, нет такой ситуации, что в бедных районах с высоким уровнем безработицы преступность выше. Наоборот — чем богаче воеводство, тем выше преступность.

— *Столь же удивительны большие различия между отдельными воеводствами в плане раскрываемости преступлений.*

— Это один из тех случаев, при которых специалисту достаточно взглянуть на данные, чтобы понять, что такие различия просто невозможны. Не может быть такого, что в одном воеводстве раскрываемость около 10%, а в другом 40%. Кто-то здесь расходитсся с истиной, кто-то манипулирует статистикой. Я сообщал об этой проблеме

двоим или троим очередным командующим полиции. Одни пожимали плечами, другие обещали, что проверят и, проверив, как собираются данные, продолжают утверждать, что всё сходится, и перед нами вовсе не креативная статистика. Лично я по-прежнему сомневаюсь, потому что столь большие различия, на мой взгляд, невозможны. — ***Говорят, нет большей лжи, чем статистика. Некоторые данные, представленные в «Атласе», могут, на первый взгляд, исказить картину явления. Например, статистика гласит, что если сравнить 2002 и 2012 годы, то у нас стало в 2,5 раза больше преступлений, связанных с наркотиками. Но не вызван ли этот рост изменением законодательства, согласно которому стало наказуемо владение одурманивающими средствами?***

— То, что выросло число преступлений, связанных с наркотиками, не должно автоматически означать, что они также стали более серьезными. Обычно, это не какой-то большой наркобизнес, а просто владение. Мы имеем рост преступности, связанной с наркотиками, вследствие простой законодательной процедуры. Криминализация владения даже небольшими количествами в значительной степени повлияла на этот рост. Но это фрагмент большого целого. Ведь совсем недавно изменили нижнюю границу при мелких кражах. Порог суммы, начиная с которой появляется состав преступления, подняли с 250 злотых до 1/4 минимального размера оплаты труда, и эта граница к тому же подвижная. Что в свою очередь приведет к снижению количества преступлений в статистическом отражении. Впрочем, это уже не первое такое изменение. Помню, когда в середине 90-х повысили до 250 злотых порог, отделяющий правонарушение от преступления, командующий полиции созвал специальную пресс-конференцию, во время которой хвалился на фоне диаграммы, как прекрасно работает полиция и как снизилось количество краж. Ничего не снизилось, просто изменилось определение кражи. То же самое мы наблюдаем в отношении пьяных велосипедистов. Ведь таких «преступников» было более 100 тысяч. Но как это замечательно улучшало статистику раскрываемости. Достаточно было устроить засаду у какой-нибудь деревеньки, и можно было останавливать все новых велосипедистов, благо там каждый был немного навеселе.

— ***Полиция очень любит преступные деяния такого рода. Ведь одновременно с выявлением преступления у нас сразу появляется найденный виновник. Когда езда на велосипеде в нетрезвом состоянии стала лишь правонарушением, число таких нарушителей вдруг резко уменьшилось.***

— Потому что их выявление уже не так выгодно. Что интересно, многие годы полиция публиковала раскрываемость NN. То есть раскрываемость виновных, личность которых не была известна в момент заявления о совершении преступления. Это была настоящая раскрываемость, где нужно было шевелить мозгами, выполнять какие-то действия, самостоятельную умственную работу, чтобы установить преступника, а не встать на краю деревни и устроить засаду на велосипедиста. Я не удивляюсь полиции, что она перестала публиковать такие данные, так как они выглядели бы поистине драматично. А эти показатели раскрываемости, особенно общая раскрываемость...

— ***На примере изнасилований раскрываемость вовсе не так уж высока.***

— С другой стороны, чтобы не глумиться над полицией, нужно отдать ей должное: ведь все-таки, по крайней мере в нескольких случаях, раскрываемость значительно выросла. Я имею в виду убийства, угоны автомобилей и т.д. Нельзя же сказать, что это всего лишь артефакт. Полиция действительно работает лучше. Что тоже усиливает отпугивающий эффект.

— ***Несмотря на то, что полицейских у нас не так уж и много по сравнению с другими странами.***

— Да, хотя следует заметить, что некоторые страны, отчитываясь о числе сотрудников, включают в состав полиции и всякого рода муниципальные службы, аналогичные нашей муниципальной полиции. Тем не менее, если говорить об основном личном составе, то мы вовсе не полицейское государство. По крайней мере, в смысле численности личного состава. Зато мы фактически являемся, и это подтверждается в очередной раз, прокурорским государством. Наконец-то у нас что-то получилось. В плане количества прокуроров, мы в Евросоюзе настоящая сверхдержава.

— ***Отражается ли это как-то на эффективности прокуратуры и судов? Такой показатель, как количество приговоров в соответствии со ст. 335 и 387 Уголовно-процессуального кодекса, то есть в ситуации, когда преступник признает свою вину и договаривается с прокурором о мере наказания, которую затем утверждает суд, свидетельствует об эффективности прокуратуры или совсем наоборот?***

— Здесь мы имеем дело с новым качеством. Больше половины приговоров выносятся именно таким консенсуальным способом. Не скрою, процессуально эти дела несопоставимо проще, чем те, при которых выяснение происходит обычным образом во время судебных заседаний. Есть соглашение, суд проштамповывает, и дело можно завершить за один вечер. В связи с этим следовало бы ожидать, что раз уж половина дел рассматривается в консенсуальном режиме, то быстрее будут идти процессы по остальным делам. Но я этого как-то не наблюдаю. Я, конечно, не противник консенсуального судопроизводства, сомнения у меня вызывает только то, что при этом способе выносятся чаще всего — чтобы не сказать: почти исключительно — условные приговоры.

— ***Наименее желательные, во всяком случае, в соответствии с новой пенитенциарной политикой, введенной недавно путем значительной новеллизации уголовного кодекса.***

— Если уж мы говорим о форме пенитенциарной политики, хочется обратить внимание на резкие изменения в

отношении применения временного задержания.

— *За излишнее применение этой меры мы постоянно получали оплеухи от Европейского суда по правам человека.*

— Это так. Ведь их, действительно, было слишком много, но у меня складывается впечатление, что в «политике задержаний» нас бросает из стороны в сторону. Если раньше было слишком много временных задержаний, то теперь появляются сомнения, не перегибаем ли мы в другую сторону. Меня просто бесит, и я этого не скрываю, когда я вижу, как отпускают на свободу членов организованных преступных групп, потому что нет оснований для применения такой предупредительной меры. Если говорить о количестве временных задержаний, то еще в начале этого столетия мы, действительно, были во главе стран Евросоюза. В настоящее время мы в самом хвосте — среди стран, известных своим либерализмом в обращении с преступниками, таких как Швеция или Дания. Что-то произошло за последние 15 лет, и это вызывает у меня смешанные чувства. С одной стороны, ушли в прошлое длившиеся годами следственные аресты, которые были уже не перегибом, а просто каким-то кошмаром. С другой — мы ударились из крайности в крайность. Мне это не совсем нравится. Другие страны отличаются очень высокой стабильностью, если говорить о показателях временно задержанных на 100 тыс. жителей или в процентах от количества заключенных в тюрьмах.

— *Исследуя в течение последних 25 лет явление преступности, являетесь ли вы сторонником усиления или смягчения наказаний?*

— Я, скорее, сторонник не суровых наказаний, а наказаний вообще — без прилагательного. Та пенитенциарная модель, которая действовала в Польше последние 25 лет, сутью которой было условное наказание, была очень плохой. Если по убеждению самих преступников условное наказание равно оправданию, значит, что-то в этом механизме дало сбой. Да, нельзя всех сажать в тюрьму, ведь у нас количество заключенных всё еще намного больше, чем в странах Западной Европы. Но какое-то наказание должно быть. Я, к примеру, большой энтузиаст домашнего ареста с электронным контролем.

— *Который у нас как раз успешно провалился.*

— Это так, и нужно незамедлительно изменить соответствующие правила. Однако это отличное и довольно эффективное наказание, более того, его можно успешно применять и в качестве альтернативы временному задержанию. Ведь, как невооруженным глазом видно из «Атласа», структура наказаний у нас странная: очень мало коротких сроков лишения свободы, до полугода. Несколько лучше обстоит дело с наказаниями до года. Однако больше всего в Польше сроков в диапазоне от года до трех лет. Вот только они бессмысленны. Всё равно, за это время никого не ресоциализируешь, впрочем, согласимся, что тюрьма никого не ресоциализирует... А с другой стороны, мы отстаем, если речь идет о длительных сроках заключения, 10 лет и выше. Так что, наша пенитенциарная система совсем не так сурова, как о ней нередко говорят. Я бы предложил принципиально перестроить применение безусловных наказаний. Что произойдет, если какой-нибудь мелкий преступник посидит в тюрьме две недели или месяц? Или по выходным...

— *Увеличатся затраты, так как они максимальны в момент приема заключенного в месте лишения свободы.*

— Да, мне знакомы эти аргументы тюремщиков, для них такие короткие сроки неудобны с бюрократической точки зрения. Я не согласен с их доводами. Почему подобные меры наказания в других странах могут действовать, а у нас нет? Ну и наконец, какое обществу дело до удобства тюремных служб? Хвост не может вертеть собакой. Нам не хватает мер наказания на уровне шлепка.

Анджей Семашко (р. 1950) — польский юрист, профессор права, с 1992 г. директор Института правосудия. Автор нескольких десятков научных книг и статей, в том числе издательской серии «Атлас преступности в Польше».

4: Подарок Зофьи

Она медленно открывает дверь квартиры в старом вроцлавском доме. Когда-то она была самой высокой в классе, но восемьдесят девять лет клонят к земле. Она пробирается по заставленному старой мебелью и горами картонных коробок коридору. Извиняется за беспорядок — приходится подбирать все, что выбрасывают соседи. Вдруг подопечным пригодится. Говорит, что много раз видела смерть: от голода, болезней, ран, холода. Может, поэтому она сохранила внутреннее равновесие и умение делиться с теми, у кого ничего нет. Зофья Телига-Мертенс одна вывезла из Казахстана сорок семей польского происхождения. В общей сложности более двухсот человек. На это ушло десять лет жизни и куча средств — вся компенсация, полученная за

имущество, которого ее родители лишились в Воле-Рыцарской на Волыни. Сорок пять гектаров земли, дом в двести сорок квадратных метров и семь хозяйственных построек — общей стоимостью в 1,3 миллиона злотых. Государство вернуло чуть больше шестисот тысяч, «доплатив» тремя полуразрушенными жилыми домами — бывшими советскими казармами в Щитнице под Болеславцем.

Зофья назвала свой микрорайон «Кресувка»^{От польского слова «крес» — граница, конец, край. Кресы — польское название западной Украины, Белоруссии и Литвы, некогда входивших в состав Польши, «восточная окраина».}

За тех, кто на Востоке

Октябрь 2015. Зофья показывает, где свернуть. Поворот к «Кресувке» — с автостреды А4, в тридцати километрах от Легницы. В 1956–1993 гг. здесь располагалась летная часть Северной группы войск Вооруженных сил СССР: два полка, два батальона, дивизия и эскадрилья. Неподалеку был аэродром. Двенадцать домов, окруженных соснами. Три дома достались Зофье (остальные получили другие члены Всепольской ассоциации кредиторов Государственного казначейства из пограничных регионов). В этом году Зофья еще не была в «Кресувке». Она не выходила из дому с тех пор, как на улице потеряла сознание и три дня пролежала в коме. Дверь квартиры открывает Люба, жена Яна Шкорупинского: сорок восемь лет вместе, трое детей. «Наша благодетельница!» — восклицает она с порога, обращаясь к Зофье. В квартире камин, тепло, уютно. На стенах сделанные Любой вышивки крестиком. Ян, потомок поляков, депортированных в Казахстан в 1936 году с Житомирщины, обнимает Зофью, как ребенка. Ему семьдесят лет, руки крепкие, мозолистые.

Он рассказывает, что после Первой мировой войны за пределами новых границ Польши оказалось почти два миллиона поляков. Из советской Украины около ста тысяч человек Сталин отправил в Сибирь и Казахстан. «Отцу было двадцать пять лет, когда их депортировали. Маме — двадцать три. Их привезли в Кокчетавскую область, вбили в землю колышек и сказали: здесь будет колхоз. Родители начинали с мазанки, как и все остальные».

Северный Казахстан — это заросшая ковылем степь до самого горизонта. Похоже на морские волны. Зимой — минус тридцать. Ян: «Снежные бури продолжались иной раз по три-четыре дня, так что к колодцу шли, держась за канат. За свой труд люди получали немного пшеницы, яблок, иногда отрез ткани, чтобы сшить какую-нибудь одежду. Женщины пешком ходили на базар, пятьдесят километров в одну сторону, чтобы продать яйца или гуся. С детства помню, как родители мечтали о Польше».

Спустя сорок лет, в 1976 году, Ян с братом решают уехать на заработки на север, в Сибирь. Они оказываются в Усть-Илимске, на Ангаре. Здесь кончаются дороги и железнодорожные пути. Дальше, на протяжении двух тысяч километров, до самого Северного Ледовитого океана — только дикая тайга. Все серое — бетон и лес. Но в самом Усть-Илимске — трамвай, сто тысяч жителей, мощная плотина, гидроэлектростанция. Еще холоднее, чем в Казахстане, пять месяцев в году река покрыта льдом. Ян: «Я по образованию механик, так что работал на автобазе. Восемьсот грузовиков, условия страшные, машины заводятся с трудом. При низких температурах на работе невозможно ни сидеть, ни стоять. Приходится «танцевать». Я проработал там двадцать четыре года. Брат, работавший со мной, не выдержал. Умер от сердечной болезни».

На столе появляются пельмени, бульон и пол-литра домашнего коньяка. Ян разливает коньяк по рюмкам — «чтобы жизнь была полной»: «За здоровье тех поляков, которые все еще там, на Востоке. Чтобы они вернулись в Польшу».

Кастрюлька

Через месяц после начала войны Зосе исполняется тринадцать лет. Она живет с родителями в Воле-Рыцарской возле Кременца. Воля-Рыцарска образовалась после раздела бывшего имения царского генерала Бобрикова. Отец Зофьи, Стефан Телига, деятель Народной партии, офицер Легионов, участник войны 1920 года, был удостоен звания генерала и ордена Виртути Милитари. Землю получил от маршала Пилсудского за храбрость. Земля их и кормит. Они выращивают пшеницу, табак на махорку, свеклу, репу, держат коров и свиней.

Зофья: «Достаток был средний. Вдали от большого города некому было продавать в таких количествах фрукты, овощи, молоко, птицу. Масса всего пропадала. Папа был общественник, очень много помогал людям, что, видимо, передалось и мне. Сразу после начала войны папу арестовал НКВД. Он сидел в тюрьме в Кременце, охранники передавали записки. Однажды папа попросил приготовить теплые вещи: варежки, носки, свитера — предполагал, что его отправят вглубь России. Ему и в голову не пришло, что мы тоже поедем».

Мать Зофьи не обращает внимания на разговоры о депортациях. Однако в феврале 1940 года приходят грязные, обтрепанные, с болтающимися на веревках автоматами солдаты: «Собирайтесь, мы переселяем вас в другое место, там вам будет безопаснее». Мать и дочь увязывают пожитки в одеяла и простыни. Зофья помнит, что все было хорошо организовано: «Мы загрузили целые сани. Но вагоны на станции были набиты битком, мы едва влезли. Взяли с собой только постельное белье, документы и какие-то мелочи. Остальное пропало. Нам потом

долго не хватало всяких вещей. Не было ни посуды, ни обуви, кроме той, что на ногах. Мы с мамой носили отцовские сапоги — мама офицерские, я зимние. Кто-то захватил с собой посуду и отдал нам небольшую алюминиевую кастрюльку. Эту кастрюльку мы берегли, как величайшую драгоценность. Даже во Вроцлав привезли. Где-то она тут должна быть».

На одной из стоянок вагон для скота открывается и энкаведисты вталкивают троих мужчин. Среди них — отец Зофьи. Невероятная радость, ведь мужчины исчезали бесследно.

Путешествие продолжается два месяца. Поезд пропускает военные эшелоны и останавливается где придется. Люди выходят размять ноги. Но однажды эшелон трогается без предупреждения, и многие остаются на узбекской земле. В том числе отец Зофьи. Отныне его лицо дочери суждено видеть лишь на фотографиях. «Нас повезли в Казахстан, потому что в Узбекистане было уже слишком много поляков. Я знаю, что отец пытался потом попасть в армию генерала Андерса. Через некоторое время мы получили известие, что папа лежит в узбекской больнице. Мы написали ему письмо. Оно вернулось: адресат неизвестен. Потом из больницы маме сообщили, что папа умер от тифа».

От отчаяния мать заболела, и Зофье казалось, что она уже не выкарабкается. У нее болело все тело. Она не двигалась, не ела, не пила. Дочь целыми днями вглядывалась в мать, надеясь, что та не бросит ее одну в степи. Наконец, в один прекрасный день, мать поднялась на ноги. Зофья: «Потому что в России можно или жить, или умереть. Страдания не предусмотрены. Мне было пятнадцать лет. Мы жили в Козмолдаке, в мазанке, сделанной из глины, соломы и навоза, который там называют кизяком. Было холодно и такой голод, что у меня даже месячные прекратились. Я заболела дизентерией первая. Заразила маму, так что в больницу мы попали вместе. Было известно, что шансов у нас нет. Мы решили съесть перед смертью хоть что-нибудь! Кто-то из нас добрался до базара и принес кусок жирной баранины. Она была недоваренная, но мы съели, ведь было ясно, что до завтрашнего дня мы все равно не доживем. Но кровавый понос прекратился!»

Потом мама Зофьи стала директором детского дома для польских сирот в Туркестане, городе в южном Казахстане. «Нам приходилось ходить по сорок километров пешком через горы. Под дождем. Мокрые штаны примерзали к ногам. Казахстан стал для меня уроком выживания. Когда потом я вместе с сиротами проходила комиссию, оценивавшую физическое развитие детей, вердикт был таков: «хоть в шахтеры, хоть в матросы». Из худышки получилась крепкая баба», — смеется Зофья.

В 1943 году в Москве создается Союз польских патриотов. Мама Зофьи становится председателем Межрайонного комитета польских патриотов в Туркестане. Отвечает на сотни писем. Самые трудные вопросы — об арестованных офицерах. «Судьба неизвестна», — пишет она в ответ. Советская пропаганда утверждала, что польские офицеры были убиты немцами. Поэтому мать с дочерью собирают среди поляков деньги на танк для польской армии — «Мститель Катыни».

Мать в жару, зачастую с температурой (она тяжело болела малярией) ходит по колхозам и переписывает проживающих там поляков. К осени 1945 года список готов. В это время мать Зофьи становится председателем Отдела поиска семей при Главном управлении Союза польских патриотов и вместе с дочерью уезжает в Москву. Зофья помнит, как, запершись в кабинете какого-то министерства, они с матерью ставили печати на репатриационные карточки. Мать готовит репатриацию почти двадцати тысяч польских семей.

Эшелоны с поляками уходят из СССР с марта по июнь 1946 года. Зофья возвращается едва ли не последней, 16 июня, обычным поездом «Москва-Варшава». Она еще успевает закончить в Москве среднюю школу.

В Польше они решают поселиться во Вроцлаве. Зофья, крестным отцом которой был Винценцы Витос, мечтает стать агрономом. Изучает сельское хозяйство. Диссертацию пишет о заготовке кормов. Ее мать, служащая воеводской администрации, получает служебную квартиру. В этой квартире спустя годы Зофья будет прописывать многочисленных репатриантов. У кого нет крыши над головой, те идут к ней.

Два раза выйдет замуж. Два раза потеряет ребенка.

С первым мужем они познакомятся на факультете сельского хозяйства. Зофья, староста курса, опекает растерянного студента, тоже выходца с Кресов. Помогает ему закончить учебу, затем написать диссертацию. Однако муж становится членом труппы Вроцлавского оперного театра. Танцует он прекрасно, но грубоват и кричит на жену. Поэтому Зофья собирает чемодан, с которым он к ней пришел, и выставляет его за дверь. Она переезжает в Варшаву, работает в газете «Громеда — рольник польский». В 1981 году выходит на пенсию, знакомится со вторым мужем и вместе с ним возвращается к матери во Вроцлав.

«Отче наш» кириллицей

Первый успех Зофьи в деле репатриации — это Валерий Немировский, молодой поляк из Казахстана, которого она встретила под Пясечно в 1992 году. Золотые руки и листочек с молитвой «Отче наш», которую бабушка написала ему по-польски русскими буквами. Валерия взял на работу хозяин автосервиса, но жить парню было негде.

Зофья: «В это время мой муж лечился от рака (он умер в том же 1992 году), а мать во Вроцлаве готовилась к операции. Я пустила Валерия в свою квартиру в Хыличках, под Варшавой, а сама уехала в Нижнюю Силезию. С

этим парнем я была знакома два дня, могло случиться и так, что мне некуда было бы возвращаться. Но когда я приехала через два месяца, в прибранной квартире меня ждали Валерий, его друг из Казахстана — Александр, мешок собранных орехов и горячая еда на столе».

На зиму Валерий возвращается в Казахстан, а Зофья привлекает к решению вопроса о его репатриации польский «Союз сибиряков». Она выступает по радио и призывает помочь репатриантам. На радио звонят две женщины. Людомира Завадская и ее дочь, обе из Легионова. Они покупают для одной из семей трехкомнатную квартиру. В 1996 году Валерий снова приезжает в Польшу, теперь уже для того, чтобы подыскать жилье для всей своей семьи. Валерия, его бабушку и дядю вновь приютит в Хыличках Зофья. Его сестру Валентину с мужем и двумя детьми приглашает гмина города Прушков. Она дарит им две комнаты с кухней. Семья переезжает в Польшу в 1998 году.

Из Казахстана на имя Зофьи хлынет поток писем. На русском языке, но каждое начинается со слов «Нех бендзе похвалёны»^{Начало католического приветствия: «Niech będzie pochwalony Jezus Chrystus!» — «Слава Иисусу Христу!»}. Поляки и потомки поляков пишут, что хотят вернуться на родину. Собирают документы о своем происхождении, депортации и реабилитации.

Букварь

Ян Шкорупинский из «Кресувки» рассказывает, как сложно было получить репатриационную визу: «Мы два года собирали документы, чтобы доказать свое польское происхождение. Его еще нужно было добыть из русских архивов: что мы были сосланы, затем реабилитированы. Все перевести и нотариально заверить. Ближайшая контора в Новосибирске, две тысячи километров от дома. Польские консульства есть только в Москве, Петербурге и Иркутске. От нас до Иркутска — тысяча километров. Это ближе всего. Консул жил в гостинице. Звали его Станислав Сокул, я помню, что это был хороший человек. Нам пришлось сдавать ему экзамен по польскому языку. Не знаешь языка — не поедешь. Родители разговаривали с нами по-польски, молитвы я знал, мама учила меня читать книги. Я раздобыл польский букварь, и мы с женой по нему занимались. Люба много писала, у меня же лучше получалось говорить. Когда мы приехали, консул помог жене снять шубу, у нее глаза от удивления на лоб полезли. Никогда раньше она не встречала таких любезных чиновников. Потом консул велел мне что-то переписать, я подсунул листок жене, а сам стал с ним разговаривать. Она писала, я его отвлекал. Так мы и сдали экзамен.

Следующий документ — справка о несудимости. Из МВД в Москве (три с половиной тысячи километров) или из Иркутска. Мы опять поехали в Иркутск. «О, это будет стоить полторы тысячи рублей», — сказал нам чиновник в министерстве. Тогда это было около пятисот злотых. Я согласился. В Иркутске мы собирались заодно купить мяса на зиму. У нас его достать было нельзя. Накопили денег. Я подумал: «На остальное купим мясо». Чиновник позвал какую-то сотрудницу: «Выпиши квитанцию». Мы ждали почти час. Наконец она напечатала на пишущей машинке, что в качестве добровольной помощи МВД мы передаем им четыре с половиной тысячи рублей. Я потерял дар речи. «Ведь майор говорил, что полторы тысячи!». «Так это за одного члена семьи», — возразила она. Мы ехали с младшим сыном, делать было нечего. Остались мы без мяса.

Чтобы получить загранпаспорт, нам пришлось выписаться из квартиры в Усть-Илимске, а потом ее продать. В пересчете на польские злотые мы продали трехкомнатную квартиру за двадцать шесть тысяч. Перевод документов в Новосибирске тоже обошелся в копеечку. И нотариус. Визу получать — пришлось ехать за три с половиной тысячи километров в Москву. А потом еще собирать деньги на дорогу в Польшу. Ехали мы сюда семь с половиной суток».

Памятник сибирским ссыльным

В 1998 году однокурсница Зофьи по лицу уговаривает ее написать во вrocławское отделение Всепольской ассоциации кредиторов Государственного казначейства из пограничных регионов, которое в это время ходатайствует о получении территории бывших советских казарм. Мать Зофьи находит документы, подтверждающие право на собственность на Волини и дает дочери доверенность. Компенсацию они получают очень быстро, в том же году. Сорок квартир. Мать с дочерью решают все отдать возвращающимся с Востока полякам.

Зофья: «У меня была пенсия, я решила, что этого достаточно. Зачем мне, старухе, деньги? Счастья они не приносят. Семья — самая большая ценность, а большая семья — это настоящий клад. В Казахстане остались как раз такие многочисленные кланы поляков. Я знаю Казахстан и знаю, чего стоит там человеческая жизнь. Я сделала для репатриантов то, что должна была сделать для них родина».

История «Кресувки» началась в 1999 году, Зофье было семьдесят три года. «Два раза в месяц я ездила в Варшаву, в отдел по делам репатриации, решать вопросы, связанные с возвращением польских семей из Казахстана. Главная проблема — виза. Ее можно получить только при наличии всех документов, квартиры и работы.

Квартиру я давала, работу помогала найти, но все равно чиновники создавали препятствия. От меня любезно отделялись. Например, когда госпожа президент Европейского союза полонийных организаций Хелена Мизиняк спросила у чиновников в МВД, кто такая Зофья Мертенс, ей ответили: «сумасшедшая, но безвредная старуха».

9 ноября 2000 года вступает в силу новый закон, согласно которому частные лица больше не могут приглашать репатриантов. Это могут делать только гмины. Но мать Зофьи еще успевает послать приглашения выбранным Зофьей семьям ссыльных. Через год ее не станет. «Я выбирала тех, — объясняет Зофья, — кто живет в северном Казахстане, потому что там очень тяжелые условия. И по профессиям: строители, механики, шоферы, чтобы можно было найти работу в районе Болеславца. «Кресувка» — это семьсот квартир, здесь могут жить три-четыре тысячи человек и нужны разные специалисты. Понятно, что ни у кого из репатриантов не хватит денег даже на ремонт. Каждому придется многое делать самому. У кого есть профессия, тому повезло».

Зофья теперь все организует сама. На нижнесилезских строительных ярмарках ведет переговоры с сотнями фирм, рассылает письма с просьбой помочь репатриантам. Но помощь фирм и других благотворителей не превышает десяти тысяч злотых. Когда Зофья просит вроцлавское отделение «Союза сибиряков» организовать разовый сбор пожертвований для репатриантов (каждый «сибиряк» получает двести злотых ветеранской надбавки, а некоторые также военную пенсию — несколько сот злотых), слышит в ответ, что это невозможно. Зато руководство отделения предлагает Зофье продать полученную компенсацию и отдать средства на памятник сибирским ссыльным. Зофья дает двадцать злотых на памятник и выходит из «Союза».

В какой-то момент другие члены Всепольской ассоциации кредиторов Государственного казначейства из пограничных регионов поговаривают о том, что по примеру Зофьи отдадут репатриантам в «Кресувке» несколько квартир. Но потом быстро все распродают, задешево и в таком состоянии, что жить там все равно невозможно.

Зофью обнадеживает один из банков, пообещав дать несколько десятков тысяч злотых на ремонт крыши. Не дожидаясь письменного подтверждения, Зофья в кредит берет на оптовом рынке в Легнице материалы и в марте 2000 года начинает ремонт. «В банке, однако, прошла какая-то реорганизация, и вместо обещанных нескольких десятков тысяч я получила всего три. Кредит пришлось выплачивать из собственной пенсии, на мамину мы жили. Я впервые в жизни осталась без гроша и с долгами. Я всегда жила по средствам, поэтому было особенно тяжело. На сегодняшний день, к счастью, я полностью рассчиталась с банком, но это поглотило все наши сбережения». — рассказывает Зофья.

Никому вы не нужны

Весной 2000 года, когда в «Кресувке» еще не было ни воды, ни света, ни людей, туда вселилась молодая пара из Казахстана.

Зофья: «Я всех предупреждала в письмах: никто вас тут не ждет, никому вы не нужны, рассчитывать придется только на себя. К тому же вас станут называть «русскими»».

Через два месяца закончился ремонт первой крыши. «Будете мне передачи в тюрьму носить, если я не справлюсь со всеми финансовыми обязательствами», — шутит Зофья.

На ремонт двух оставшихся крыш, водопровод и канализацию дает деньги Горно-химический комбинат. Ремонт помогает закончить варшавский фонд «Клуб 500». Оптовики разрешают выплачивать деньги постепенно, без процентов. Банк «Западный ВБК» дает семнадцать тысяч.

Семья Шкорупинских, которая приезжает в 2001 году, получает от Зофьи две квартиры: одну для себя, другую для детей. В 2004 году прибывают еще семьи. Клань Колодзинских, Донкинов, Рудковских. Польское государство дает им по восемь, а потом по десять тысяч злотых на обустройство и ремонт.

Ян Шкорупинский: «Мы все делали своими руками: электрика, подвесные потолки, утепление стен, покраска, полы, я даже камин сложил — впервые в жизни. Еще я вычистил в «Кресувке» десять труб. В Сибири нас приучили хорошо работать. Эксплуатировали людей по максимуму. В России как говорили — даешь пятилетку за четыре года».

Сначала Зофья подписывает с семьями договоры на безвозмездное предоставление жилья. Потом вручает им нотариальные акты собственности. После смерти матери в 2001 году ей пришлось приостановить этот процесс, чтобы вступить в права наследства. «Всего я поселила в «Кресувке» сорок семей, — радуется она. — Не всех из моего списка удалось сюда привезти. Некоторые получили приглашения от гмин, но я не могу узнать, где они сейчас — защита личных данных. Я бы очень хотела знать, как сложились в Польше их судьбы. Кое-кто написал, что очень благодарен мне за то, что я дала надежду, и вообще за все, что я сделала, просто у них появилась возможность уехать в другую гмину. И они согласились».

Ян Шкорупинский: «Мне так хорошо живется, что я, наверное, самый счастливый человек в Польше. Тут жизнь спокойная. У нас хорошие «сибирские» пенсии — около полутора тысяч злотых. Больше всего не хватает детей и внуков. Здесь сложно найти работу. Сын уехал в Англию, младшая дочь с мужем и детьми живет в Варшаве. Старшая — осталась в Новосибирске».

А кто без греха?

Были и такие, кто захотел урвать побольше. Вроде Василя, который едва здороваётся, потому что Зофья дала ему две квартиры, а не три.

Другая репатриантка получила квартиры одновременно от Зофьи и от одной из гмин. Она собиралась привезти родственников. Но не привезла, а квартиру в «Кресувке» выставила на продажу. Зофья ей написала. Репатриантка ответила, что разводится с мужем. «Бессовестная и жадная, — жалуется Зофья. — Я ничего не смогла сделать. Суд она выиграла».

Некоторые семьи друг с другом не разговаривают. Ещё они не любят СМИ. Не хотят, чтобы журналисты совали нос в их жизнь.

Зофья: «Репатрианты очень недружно живут, не хотят вместе работать. Может, то, что они росли среди насилия, сделало их такими? Но это не воры, не пьяницы, не проходимцы, все живут более или менее честно. Может, за кем-то и водятся какие-то грешки, а кто из нас без греха?»

Зофья раздала все, что у нее было, и закрыла кадастровые дела. Говорит, что после возвращения из Казахстана для нее нет сложных проблем. Тамешняя нехватка всего, в чем нуждается большинство людей, чтобы жить нормально, оказалась для нее даром. Она помогла Зофье увидеть другое измерение жизни: «Не знаю, кем бы я стала, если бы не тот урок выживания. Сегодня люди готовы убить друг друга за несколько злотых, хотят все больше и больше, а ведь с собой на тот свет ничего не возьмешь. Мы рождаемся и умираем голыми».

Зофья основала Нижнесилезское общество для репатриантов «Рука помощи», поскольку, как она утверждает, Польша по-прежнему о них не думает: «Теперь дело за молодыми».

Ведь в «Кресувке» все еще пустуют почти двести квартир. Членам Всепольской ассоциации кредиторов Государственного казначейства из пограничных регионов не все удалось продать. По примеру Зофьи их могли бы выкупить частные лица для репатриантов. Например, для поляков с Донбасса, которых польское государство хочет оттуда забрать.

Зофья продолжает покупать на свою пенсию книги — хочет организовать в «Кресувке» библиотеку. Для этой цели она передала гмине два помещения (во втором находится клуб).

В ее квартире по-прежнему хранится множество вещей. Например, книжные стеллажи, оставшиеся после ликвидации городской библиотеки.

Нет. В Бога она не верит. «Хватит того, что мои подопечные заботятся о спасении моей души. Молятся за меня», — смеется она.

Но в бумажнике она обнаружила документ о соборовании: «Когда я лежала в больнице, в коме, и врачи не были уверены, что им удастся вернуть меня с того света, мои репатрианты решили, что следует спасти мою душу, и привели ксендза. У меня даже медальон есть. Я не думаю, существует Бог или нет. Это не мое дело. Я знаю, как мне жить на земле по-человечески. А в вечную жизнь я верю, о да! Потому что на мне вырастет трава, и старуха превратится в прекрасный цветок».

Репатриация

Из доклада Высшей контрольной палаты следует, что результаты репатриации в Польше не слишком впечатляют. В последние годы в рамках репатриации на родину возвращается не более двухсот человек в год, а период ожидания занимает более десяти лет.

Согласно закону 2000 г., на репатриацию имеют право лишь лица польского происхождения, проживающие в местах ссылок и депортаций, то есть в азиатской части бывшего СССР. Репатриация не охватывает территорию Украины, Белоруссии и Литвы, где также имеются большие скопления поляков. Для репатриации необходимо, чтобы один из родителей или бабушек-дедушек, или все прадедушки-прабабушки были польской национальности, необходимо также доказать свою связь с польской культурой и народом.

Если бы каждая гмина...

В 2009-2013 гг. лишь в 57 гминах (из 1 645 обследованных) поселились репатрианты. Высшая контрольная палата заявляет, что необходимо срочно внести изменения в закон о репатриации, чтобы все те, кому обещана репатриационная виза (в одном только Казахстане это почти две с половиной тысячи человек), смогли наконец переехать в Польшу.

В прошлом году центральный бюджет предназначил для этих целей девять миллионов злотых. Если бы каждая гмина приняла одного репатрианта, Польша в кратчайшие сроки выполнила бы свои обязательства перед этими людьми.